

DOI: 10.18503/1992-0431-2021-3-73-216–244

СИРИЯ ПРИ АЛЕКСАНДРЕ ВЕЛИКОМ: ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАЦИИ

М.М. Холод

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний
Новгород, Россия
mmkholod@yandex.ru; m.holod@spbu.ru

Аннотация. В статье рассмотрены основные вопросы, связанные с управлением сирийским регионом при Александре Великом на уровне сатрапов. По мнению автора, в результате завоевания македонским царем Сирии, которая прежде, при Ахеменидах, являлась единой в административном отношении, на ее территории были образованы две сатрапии – одна на севере и другая на юге. Однако еще при жизни Александра, вероятно, в 329/8 г., Сирия была вновь объединена в одну провинцию. Кто тогда ее возглавил, неясно. Во всяком случае, это не мог быть Менес, сын Дионисия: точка зрения, что он был назначен Александром зимой 331/0 г. на пост сатрапа якобы образованной в ту пору новой провинции, в которую вошли Сирия и Киликия, не выдерживает критики. Также не кажется убедительной и та точка зрения, согласно которой Александр наделил Менеса временной верховной властью в Сирии, Финикии и Киликии, поставив его, таким образом, над здешними македонскими сатрапами и финансовыми чиновниками. В статье доказывается, что основная задача, которую Александр определил тогда для Менеса, заключалась в организации и последующем руководстве им морскими коммуникациями, замыкавшимися на побережье Сирии, Финикии и Киликии, и в том, что касалось данной сферы его деятельности, он был полностью независим от местных сатрапов.

Ключевые слова: Александр Великий, Сирия, сатрапия, сатрап, администрация

Управление державой Александра Великого, в том числе и на уровне сатрапий, уже давно является предметом изучения в современной историографии¹. В исследовании этой темы к настоящему моменту достигнуты значительные результаты, однако до сих пор еще остается немало вопросов в ее рамках, которые

Данные об авторе: Холод Максим Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древней Греции и Рима Института истории СПбГУ; старший научный сотрудник кафедры истории древнего мира и классических языков Института международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 20-18-00374, выполняемый на базе ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

¹ См., в частности: Julien 1914; Lehmann-Haupt 1921, 138–159; Berve 1926/1, 253–290; Badian 1965, 166–182; Higgins 1980, 129–152; Bosworth 1988, 229–245; Jacobs 1994, 52–88; Anson 2013, 121–152.

носят остро дискуссионный характер. К их числу принадлежит и вопрос об управлении Сирией при Александре. Главная причина такого положения дел в данном случае заключается в состоянии наших источников, релевантная информация которых отличается не только скудностью, но и противоречивостью. В настоящей статье мы намерены еще раз рассмотреть основные проблемы административного устройства Сирии под властью Александра, имея в виду то важное место, которое занимал этот ближневосточный регион в составе его империи. К этому нас побуждает и тот факт, что два единственных подробных исследования, посвященных управлению Сирией при Александре, появились уже давно – книга О. Лейце, содержащая соответствующие разделы, вышла в свет в 1935 г.², а статья Б. Босуорта в 1974 г.³ Несмотря на несомненную ценность этих исследований, приходится, однако, констатировать, что на сегодняшний день их уже нельзя признать в должной мере удовлетворительными: они, на наш взгляд, отчасти устарели, в то время как целый ряд идей, в них высказанных, представляется неубедительным (на что, как будет показано ниже, в некоторых случаях справедливо указывалось писавшими позднее учеными) и нуждаются в пересмотре.

Победа Александра в битве при Иссе (ноябрь 333 г.)⁴ открыла новую страницу в истории Сирии, земли которой, лежавшие к западу от Евфрата, до того входили в состав персидской сатрапии «Заречье» (акк. *Ebir-nāri*, араб. *Abar-naharā*)⁵. Непосредственным результатом одержанной тогда Александром победы стало завоевание им всего этого региона, сопровождавшееся установлением здесь македонской администрации. Сообщений наших источников об организации Александром управления Сирией на уровне назначенных им сатрапов в целом немного, причем все они содержатся в сочинениях Арриана и Курция. Приведем эти сообщения ниже, придерживаясь хронологического порядка:

«Александр назначил сатрапом Келесирии Менона, сына Кердиммы, дав ему для охраны страны всадников из числа союзников, а сам пошел в Финикию» (Арт. ан. 2. 13. 7: *Ἀλέξανδρος δὲ σατράπην μὲν Συρία τῇ κοιλῇ Μένωνα τὸν Κερδίμμη ἐπέταξε δοῦς αὐτῷ εἰς φυλακὴν τῆς χώρας τοὺς τῶν ξυμμάχων ἰπλέας, αὐτὸς δὲ ἐπὶ Φοινίκης ἦει*). Зима 333/2 г.

«А Александр, приказав Пармениону, который захватил добычу в Дамаске, стеречь ее и пленников тщательным образом, поставил его над Сирией, называемой Келесирия» (Curt. 4. 1. 4: *At Alexander Parmenionem, per quem apud Damascum recepta erat praeda, iussum eam ipsam et captivos diligenti asservare custodia, Syriae, quam Coelen vocant, praefecit*). Зима 333/2 г.

«Сирию, которая называется Келесирия, Парменион передал Андромаху...» (Curt. 4. 5. 9: *Syriam, quae Coele appellatur, Andromacho Parmenio tradiderat...*). По-видимому, лето 332 г.

² Leuze 1935, 257–269, 279–309.

³ Bosworth 1974, 46–64.

⁴ Здесь и далее все даты до н.э.

⁵ Общую информацию о ней см.: Dandamayev 1996, s.v.; ср.: Jacobs 2006, s.v.

«Отягчило эту печаль известие о смерти Андромаха, которого он (*sc.* Александр) поставил над Сирией: его сожгли живым самаритяне. Чтобы отомстить за его гибель, он, насколько мог, ускорил движение, и по прибытии ему были выданы все виновники злодеяния. Затем, казнив тех, кто убил его наместника, он на место Андромаха поставил Мемнона» (Curt. 4. 8. 9–11: *Oneravit hunc dolorem nuntius mortis Andromachi, quem praefecerat Syriae: vivum Samaritae cremaverant. Ad cuius interitum vindicandum, quanta maxima celeritate potuit, contendit, advenientique sunt traditi tanti sceleris auctores. Andromacho deinde Memnona substituit, affectis supplicio, qui praetorem interemerant*). Начало весны 331 г.

«Сатрапом Сирии вместо Ариммы он (*sc.* Александр) назначил Асклепидора, сына Эвника, так как, по его мнению, тот проявил нерадивость в приготовлении того, что было приказано приготовить для войска на его пути в глубь территории» (Arr. an. 3. 6. 8: *ἀντί δὲ Ἀρίμματος σατράπην Συρίας Ἀσκληπιόδωρον τὸν Εὐνίκου ἀπέδειξεν, ὅτι Ἀρίμματος βλακεῦσαι ἐδόκει αὐτῷ ἐν τῇ παρασκευῇ ἦντινα ἐτάχθη παρασκευάσαι τῇ στρατιᾷ κατὰ τὴν ὁδὸν τὴν ἄνω*). Конец лета 331 г.

Сложность согласования между собой этих противоречивых свидетельств долгое время заставляла ученых, начиная с И.Г. Дройзена, следовать исключительно (или почти исключительно) за информацией Арриана, которого они считали заслуживающим гораздо большего доверия, чем Курций. Таким им виделось решение в том числе и той проблемы, при которой, казалось, было невозможно увязать между собой сообщение Арриана о назначении Менона сатрапом Келесирии и указание Курция о том, что во главе той же Келесирии Александр тогда поставил Пармениона, передавшего затем свои полномочия в ней Андромуху. Исследователи при этом исходили из того, что область, фигурирующая у Арриана и Курция как Келесирия, была одной и той же, а именно той частью прежней персидской сатрапии, которая включала в себя ее внутренние территории к западу от Евфрата⁶.

Первым, кто попытался придать вес сообщениям Курция в данной связи, был О. Лейце. Для него, как и для его предшественников, Келесирия Арриана и Келесирия Курция тождественны (это, с его точки зрения, все сирийские земли до Евфрата, кроме финикийско-филистимского побережья). Он считает, что из свидетельств обоих авторов об установлении македонской власти в Сирии предпочтение нужно отдать тем, которые приводит Курций; они в общем корректны. Напротив, ошибается здесь Арриан, который, согласно О. Лейце, поместил информацию о назначении Менона сатрапом Келесирии раньше, чем следовало: на самом же деле это назначение должно было случиться только весной 331 г., что, полагает ученый, подтверждает Курций, ибо упомянутый им Мемнон должен быть идентичен Менону Арриана⁷.

С О. Лейце, однако, не согласился Б. Босуорт. По его мнению, сообщения Арриана и Курция по поводу организации македонского управления Сирией отнюдь не находятся в противоречии, но, наоборот, дополняют друг друга. Ему удалось, на наш взгляд, убедительно показать, что Арриан и Курций использовали в своих трудах представления о Келесирии разных эпох: в то время как Арриан исходил

⁶ Droysen 1877, 278, 325–326. Позднее см., к примеру: Julien 1914, 21–22; Lehmann-Haupt 1921, 141, 155–158; Berve 1926/1, 258–259.

⁷ Leuze 1935, 260–262; также см. ниже.

в данном случае из реалий своих дней, когда этим словом обозначалась исключительно северная Сирия, то Курций следовал пониманию Келесирии, бывшем в ходу в эллинистический период, т.е. имел в виду (очевидно, просто повторяя свой источник) Сиро-палестинский регион, от Египта на юге до Финикии на севере. Отсюда Б. Босуорт приходит к заключению, что в этих сообщениях нашло отражение существование в Сирии при Александре двух сатрапий – одной на севере и другой на юге⁸.

Принимая во внимание эти выводы Б. Босуорта, стоит тогда полагать, что сделанные Александром первоначально назначения в Сирии состояли в следующем. Перед тем, как отправиться на покорение Финикии, т.е. зимой 333/2 г., Александр поставил Менона сатрапом северной Сирии, простирающейся до границ с Финикией на юге, области, которая на тот момент уже находилась под македонским контролем⁹. В его распоряжении был оставлен кавалерийский отряд, состоявший из греческих союзников, не только для охраны сатрапии вообще, но и, по-видимому, от возможного нападения на нее тех персидских контингентов, которые после битвы при Иссе отступили в Малую Азию¹⁰ (Arr. an. 2. 13. 7). Одновременно с этим продолжилось и завоевание остальных сирийских земель: Пармениону, захватившему с частью македонского войска Дамаск (Arr. an. 2. 11. 10; 15. 1–2; Curt. 3. 12. 27–13. 16; Polyae. 4. 5; ср.: Plut. Al. 24. 1), было поручено продолжить установление контроля над внутренними территориями к югу от области, переданной в управление Менону, с возложением на него при этом главенства в них (Curt. 4. 1. 4–5)¹¹. Подобное назначение Пармениона, впрочем, не было долгим. Он присоединился к Александру то ли еще во время осады Тира, то ли вскоре после нее¹², делегировав – явно по распоряжению македонского царя – свои властные полномочия во вверенном ему районе, а также, судя по всему, задачу по завершению его покорения Андромаху (Curt. 4. 5. 9). Таким образом, насколько можно судить,

⁸ Bosworth 1974, 48–50; 1980, 225. То, что Сирия к западу от Евфрата делилась при Александре на две сатрапии – северную и южную, было предположено, однако, еще до Б. Босуорта У. Карштедтом. Вместе с тем У. Карштедт ошибочно считал, что подобное деление имело место уже в Персидской державе и было попросту перенято Александром (Kahrstedt 1926, 4–5, 8–11). Критику этой его идеи см.: Leuze 1935, 197–198, 264–265, 294–295, 302–307; ср.: Bosworth 1974, 62, п. 3; относительно идеи У. Карштедта об административном единстве северной Сирии и северного Междуречья при персах см. ниже. Однако из этого вовсе не следует, что если в ахеменидский период деления Сирии к западу от Евфрата на северную и южную сатрапии не существовало, то, значит, его не могло быть и при Александре: очевидно, что македонский царь далеко не всегда придерживался прежней персидской практики в деле управления оказавшимися теперь под его властью территориями, но изменял ее, если, по его мнению, в том возникала потребность.

⁹ Bosworth 1974, 50–51; 1980, 225.

¹⁰ Они тогда ушли в Каппадокию и Пафлагонию, а затем, весной следующего года, предприняли оттуда масштабное контрнаступление в Малой Азии (Curt. 4. 1. 34–35; ср.: Diod. 17. 48. 5–6). Об этом контрнаступлении см.: Burn 1952, 81–84; Briant 1973, 53–74; Anson 1988, 472–475; Billows 1997, 42–46; Debord 1999, 462–465.

¹¹ Однако очень может быть, что такое поручение было дано Пармениону еще до захвата им Дамаска вместе с обозом, оставленным там персами перед битвой при Иссе, и, следовательно, эта операция являлась уже одним из эпизодов кампании македонского полководца по покорению внутренних районов Сирии. К сожалению, из-за увлеченности античных авторов деяниями Александра в Финикии, в особенности осадой Тира, о ходе кампании Пармениона, ведшейся параллельно, приходится только догадываться. См.: Leuze 1935, 260–261; Bosworth 1974, 47.

¹² Berve 1926/II, 302 (no. 606); Bosworth 1974, 47; Heckel 2006, 326, n. 515.

в сферу ответственности Пармениона, а затем и Андромаха вошла та часть внутренней Сирии к западу от Евфрата, которая лежала к востоку и югу от Финикии.

При этом, на наш взгляд, едва ли верно видеть в Андромахе исключительно военного, который занимался окончательным установлением македонского господства над этими территориями¹³, но следует считать, что, по крайней мере, к моменту ухода Александра в Египет он был наделен здесь уже и полномочиями сатрапа¹⁴. Действительно, учитывая, что почти за год с начала подчинения внутренних земель Сирии Парменион, а после него Андромах должны были явно значительно, если не полностью, преуспеть в этом деле (примечательно, что о каком-то сопротивлении, оказанном им в это время, ничего не известно; ср.: Curt. 4. 1. 5), трудно представить, чтобы Александр до своего египетского похода так и не ввел в этом районе организацию управления, как в других провинциях создаваемой им державы, т.е. не назначил для него сатрапа. Более того, было бы крайне странно (да и не согласовывалось бы с обычной для Александра практикой организации регионального управления), если бы этот район после его завоевания и замирения, хотя бы и не полного, оставался некоторое время без македонской администрации, но лишь под управлением разных местных властей, признавших над собой верховенство Александра, подобно властям Самарии и Иудеи¹⁵.

Андромах пребывал во главе южной части Сирии, однако, непродолжительное время. Уже зимой 332/1 г. он, как рассказывает все тот же Курций, был убит (сожжен заживо) самаритянами. По словам римского писателя, Александр, расправившись по прибытии в Самарию из Египта в начале весны 331 г. с виновными в гибели Андромаха¹⁶, поставил на его место Мемнона (Curt. 4 .8. 9–11). Имя

¹³ Так: Leuze 1935, 261–262; ср.: Berve 1926/I, 258; II, 38–39 (no. 76); Stern 1976, 448; Atkinson 1980, 325–326, 369; Heckel 2006, 28 [2], 244; 2020, 124. Вместе с тем согласимся, что функции Пармениона до того были действительно преимущественно военными (Berve 1926/II, 302, no. 606; Leuze 1935, 260–261; Bosworth 1974, 51; 1980, 225; Atkinson 1980, 268; Heckel 2006, 191), и, надо думать, точно такими же первоначально были и функции Андромаха.

¹⁴ Bosworth 1974, 51 (ср.: 1980, 225; 1988, 233); Hammond 1989, 119. Не противоречит этому суждению, если явно и не говорит в его пользу, присутствие в Curt. 4. 8. 9 глагола *praeficio*: в своем сочинении Курций употребляет его в том числе и тогда, когда сообщает о назначении Александром кого-то сатрапом (Curt. 6. 6. 13; 9. 8. 9). Более того, не исключено, что Курций использовал этот глагол в том же смысле и в Curt. 4. 1. 4, считая – хотя, надо думать, и ошибочно, как в Curt. 4. 8. 4 (ср.: *Ag. an.* 3. 5. 2–6), – что Парменион также получил назначение на должность сатрапа. Сходно обстоит дело и с наименованием Андромаха «претором» в Curt. 4. 8. 11: этим словом Курций время от времени обозначает и сатрапов (к примеру, см.: Curt. 3. 11. 10; 4. 1. 28; 1. 35; 5. 13; 6. 1; 7. 3. 5).

¹⁵ О подчинении ему Самарии и Иудеи см., в частности: Tcherikover 1959, 41–50, 418–423 (хотя и отчасти устаревший в данной связи труд); Stern 1976, 448–449; Bickerman 1988, 3–12; Schäfer 2003, 2–7; Heckel 2020, 124–125; к тому же см. работы, указанные в следующем прим.

¹⁶ При каких обстоятельствах погиб Андромах, неясно. Не позволяет это понять и рассказ Иосифа Флавия об отношениях Александра и самаритян (*Jos. ant.* 321–345): его надежность весьма спорна. По этому поводу теперь см.: Pummer 2009, 103–155, с подробным указанием разных точек зрения. (Кстати, уже отсюда представляется лишенной прочного основания та идея, что Андромах всего лишь выполнял роль стратега при Санаваллате, правителе Самарии, известном из данного рассказа Иосифа Флавия. Эту идею см.: Berve 1926/I, 258; II, 38–39, no. 76; Atkinson 1980, 325–326, 369; Heckel 2006, 28 [2], 244; 2020, 124.) Остается только предположить, что появление Андромаха в Самарии было вызвано какими-то волнениями в ней, приведшими в итоге к его убийству. Очень может быть, что с последствиями как раз этого инцидента связаны находки, сделанные в 1963–1964 гг. в Вади Делиех, где в одной из пещер были обнаружены останки более двухсот жертв, включая женщин и детей, а вместе с ними и некоторые правовые документы, относящиеся к периоду приблизительно с 375 по 335 гг. И если это так, то тогда допустимо заключить, что Александру после его

«Мемнон» в данном контексте выглядит, правда, странно: даже если не учитывать тот факт, что нам известен еще лишь один носитель такого имени, находившийся на службе Александра¹⁷ (действительно, в его истории зафиксирован целый ряд лиц, которые носили достаточно редкие среди македонян имена), Мемнон Курция имеет слишком подозрительное сходство с Меноном Арриана. Поэтому, по нашему мнению, совершенно правы те ученые, которые считают, что в данном месте в рукописной традиции Курция имя «Мемнон» появилось из-за некогда допущенной описки, тогда как на самом деле тут должно стоять «Менон»¹⁸. Принятие подобного исправления позволяет в таком случае полагать, что убитого Андромаха Александр заменил не на кого иного, как на Менона, сына Кердиммы¹⁹.

В данной связи, однако, возникает вопрос: стал ли Менон тогда главой только тех земель, которые находилась прежде под управлением Андромаха, будучи просто переведенным Александром с севера на юг, либо же сосредоточил теперь в своих руках руководство единой сатрапией Сирия к западу от Евфрата? Ответ на него напрямую зависит от интерпретации следующего пассажа из сочинения Арриана: он сообщает, что по пути Александра из Тира к Фапсаку в конце лета 331 г. македонский царь назначил сатрапом Сирии Асклеподора, сына Эвника, вместо Ариммы за то, что тот неудовлетворительно занимался делами, связанными с обеспечением армии, направляющейся в глубь территории (Агг. ап. 3. 6. 8).

Еще И.Г. Дройзен предложил исправить здесь имя «Аримма» (ἀντὶ δὲ Ἀρίμματος), на «Менон, сын Кердиммы» (ἀντὶ δὲ Μένωνος τοῦ Κερδίμματος)²⁰. И если согласиться с подобным исправлением, то, учитывая те выводы, которые были сделаны нами выше, получается, что Менон перед тем, как был снят Александром, занимал пост сатрапа уже всей Сирии до Евфрата, а не ее южной части, ибо, как следует из рассказа Арриана, македонский царь уверился в недобросовестном исполнении им своих обязанностей, когда проходил через северные земли региона²¹. С другой стороны, возможна и иная интерпретация этого пассажа Арриана, при которой указанное исправление не принимается во внимание²². В таком случае выходит, что недовольство Александра вызвал именно Аримма, который, если Менон был

прибытия в Самарию была выдана только часть виновных, в то время как другая со своими семьями бежала. Но их попытка найти убежище в пещерах пустынного района к северу от Иерихона закончилась неудачей: они были выслежены македонянами и убиты. Об этих находках, а также помещении их в контекст событий, связанных с гибелью Андромаха, см. особенно: Cross 1974, 17–29.

¹⁷ Это Мемнон, являвшийся «стратегом Фракии» в 331 г. (Diod. 17. 62 .5–6; 63. 1). О нем: Berve 1926/II, 254 (no. 499); Heckel 2006, 163 [3].

¹⁸ Подобное предположение широко принято в научной литературе. См., к примеру: Leuze 1935, 259; Bosworth 1974, 51–52; 1980, 225 (ср.: 1995, 42); Stern 1976, 448; Atkinson 1980, 370; Heckel 2006, 166 [1]; 2020, 124, n. 120.

¹⁹ Как отмечалось выше, согласно О. Лейце, Менон стал сатрапом именно тогда, а не зимой 333/2 г., о чем сообщает Арриан (Агг. ап. 2. 13. 7). С подобным мнением, конечно, нельзя согласиться. Совершенно очевидно, что попытка О. Лейце представить это сообщение Арриана анахроничным является откровенным насилием над источником, не подкрепленным убедительными доводами. Ср.: Bosworth 1974, 48; Atkinson 1980, 370.

²⁰ Droysen 1877, 326, n. 1. Поддержано, в частности: Lehmann-Haupt 1921, 156; Heckel 2006, 44, 166 [1]; 2020, 124, n. 121; ср: Julien 1914, 21–22.

²¹ Относительно того, что это произошло именно на севере Сирии, см.: Leuze 1935, 264; Bosworth 1974, 52.

²² Исправление не приняли, к примеру: Berve 1926/I, 258; II, 60 (no. 114); Leuze 1935, 266–268; Bosworth 1974, 52; 1980, 285; 1988, 233; Brunt 1976, 241, n. 9; Atkinson 1980, 371; Jacobs 1994, 63–64.

ранее переведен на юг, должен был, следовательно, занять его место на севере Сирии²³.

При выборе из этих двух интерпретаций предпочтение, на наш взгляд, нужно отдать последней. Во-первых, то, что Арриан не упоминает о назначении Ариммы сатрапом, ничего не значит: он нередко опускает в своем повествовании информацию как о назначении кого-то на определенный пост, так и о прекращении тем или иным лицом исполнения своих должностных обязанностей²⁴. Во-вторых, если считать, что Аримма сменил Менона на посту сатрапа всей Сирии, то тогда его пребывание в данной должности должно было быть очень коротким, поскольку навряд ли эта смена могла произойти сразу после получения Меноном нового назначения в начале весны 331 г. Имея это в виду, представляется маловероятным, чтобы за столь непродолжительное время Аримма успел продемонстрировать некомпетентность в деле заготовки необходимых припасов для македонской армии так явно, что был снят Александром со своего поста (для этого, как представляется, нужно было больше времени, хотя бы полгода). В-третьих, исправление И.Г. Дройзена несколькостораживает тем, что предполагает здесь значительное повреждение оригинального текста, включающее в себя не только лауну, но и ошибку в написании имени²⁵. Вместе с тем очевидно, что ни редкость имени «Аримма», ни его похожесть на столь же редкое имя «Кердимма» не являются достаточным основанием для подобной эмендации: как уже отмечалось, в истории Александра можно встретить и другие редкие среди македонян имена, в том числе и внешне сходные между собой. Кроме того, учитывая, что оба имени вполне корректны, будучи сокращенными формами имен соответственно «Аримах» и «Кердимен» (либо «Кердимел», либо «Кердимед»)²⁶, кажется весьма сомнительным, чтобы одно редкое корректное имя было по ошибке превращено поздним переписчиком в другое также редкое и также корректное (во всяком случае, здесь было бы гораздо уместнее тогда ожидать появления какой-то явно искаженной формы имени «Кердимма»). Итак, как представляется, Сирия после замещения Ариммы Асклеподором все еще оставалась поделенной на две сатрапии – северную и южную.

Таковой была ситуация до сражения при Гавгамелах (1 октября 331 г.). Позднее она, впрочем, изменилась. Подчас в научной литературе утверждается, что вскоре после сражения при Гавгамелах Александр объединил Сирию с районом северного Междуречья²⁷, который позднее в правление македонского монарха был сам выделен в отдельную сатрапию под названием «Месопотамия»²⁸. Хотя наши

²³ Bosworth 1974, 52; 1980, 285; 1988, 233.

²⁴ Подборку таких случаев см.: Leuze 1935, 266–267.

²⁵ Leuze 1935, 266; Bosworth 1974, 52.

²⁶ Hoffmann 1906, 193 (Αρίμαχος), 197 (Κερδιμένης, Κερδιμέλης, Κερδιμήδης). Как македонское признает имя «Аримма» также А. Татаки (Tatakí 1998, 261). При этом не совсем понятно, почему в труде Ф. Юсти оно оказалось помещенным среди иранских имен (Justi 1895, 25); по крайней мере, никаких оснований для этого нам не видится. По-видимому, отсюда Аримма назван персом и К. Навоткой (Nawotka 2010, 214–215).

²⁷ Lehmann-Haupt 1921, 155–157; Berve 1926/I, 259; II, 88 (no. 167); 108 (no. 213); Kahrstedt 1926, 4–5, 8–11 (север Междуречья плюс северная сатрапия Сирии; к этому см. также выше); Jacobs 1994, 65–67; 2006, s.v. (в данной связи см., кроме того, ниже). Ср.: Klinkott 2000, 95–96.

²⁸ Из того факта, что у Диодора в его рассказе о распределении сатрапий в Вавилоне в 323 г. Месопотамия упоминается среди тех, главы которых сохранили тогда свои прежние посты (Diod.

источники ничего не сообщают о таком объединении, ученые, которые его предполагают, исходят из того, что поскольку Сирия и север Междуречья составляли при персах одну сатрапию, то Александр, сохраняя административные границы бывших провинций Ахеменидов, должен был после покорения земель между Евфратом и Тигром непременно восстановить прежнее положение дел и в данном случае. Сомнительность этой гипотезы, на наш взгляд, очевидна. Действительно, на настоящий момент нет веских доказательств того, что, по крайней мере, в конце существования Персидской державы северное Междуречье было частью какой-то иной сатрапии, кроме Вавилонии²⁹. Но даже если и допустить административное единство данного района с Сирией в позднеахеменидский период (хотя это и крайне маловероятно), представляется совершенно необязательным, чтобы Александр стал восстанавливать подобную сатрапию в прежнем объеме: македонский царь нередко менял границы подпадавших под его власть персидских провинций, когда находил это нужным³⁰. Имея же в виду, что управление сирийским регионом было ко времени битвы при Гавгамелах вполне налажено, для Александра после победы в ней, как кажется, было бы целесообразнее не подвергать его изменениям, но образовать из завоеванных теперь земель всего Междуречья либо одну сатрапию – Вавилония, либо сразу две – Вавилония и Месопотамия. Таким образом, исходя из сказанного, думается, стоит полагать, что присоединение Александром после сражения при Гавгамелах к Сирии северного Междуречья, о чем заявляют некоторые ученые, навряд ли имело место. Более того, этот район, скорее всего, не стал тогда и отдельной сатрапией³¹, но продолжал оставаться частью Вавилонии

18. 3. 3), можно заключить, что ее образование имело место еще при жизни Александра. В этом рассказе Диодора, а равно и у Юстина (Just. 13. 4. 23), в качестве сатрапа Месопотамии фигурирует Аркесилай (ср.: Dexipp. FGrHist 100 F 8. 6; Oros. 3. 23. 13, где он ошибочно назван Архелаем). Об Аркесилае см.: Berve 1926/II, 75 (no. 142); Heckel 2006, 42; Wheatley, Heckel 2011, 118. Однако см.: Klinkott 2000, 295–296, где высказывается весьма сомнительное суждение, что Месопотамия стала отдельной сатрапией только после смерти Александра.

²⁹ На данный счет см. особенно: Leuze 1935, 197–198, 295–297, 302–307; Bosworth 1980, 292–293.

³⁰ Такие случаи имели место в том числе и до битвы при Гавгамелах. Если не считать предполагаемого нами деления Александром административно единой при персах Сирии на две отдельные провинции, то известно, что Пафлагония, ранее принадлежавшая сатрапии Великая Каппадокия, была присоединена македонским царем (правда, как оказалось, ненадолго) к Геллеспонтской Фригии (Агг. ан. 2. 4. 2; Curt. 3. 1. 24); в свою очередь, от Кариим была отторгнута Ликия и объединена с Памфилией в одну провинцию (Агг. ан. 3. 6. 5), которая затем если не формально, то фактически подпала под управление Антигона Одноглазого, сатрапа Великой Фригии (Diod. 18. 3. 1; 39, 6; Агг. succ. 1. 6, 37; Dexipp. FGrHist 100 F 8. 2; Curt. 10. 10. 2; ср.: Just. 13. 4. 15); кроме того, к Великой Фригии была добавлена и завоеванная Антигоном Ликаония, которая прежде относилась к Великой Каппадокии (Curt. 4. 5. 13). О более поздних изменениях Александром границ сатрапий державы Ахеменидов см., в частности: Klinkott 2000, 99.

³¹ То, что сатрапия Месопотамия была образована македонским царем уже зимой 331/0 г., – это гипотеза О. Лейце (поддержана: Heckel 2006, 42; ср.: Wheatley, Heckel 2011, 118). Он считает, что ее отделение от Вавилонии было призвано снизить риск от назначения тогда главой последней не македонянина, а персидского вельможи Мазея. При этом, по мнению ученого, если бы Александр отделил Месопотамию уже после назначения Мазея, то нанес бы ему обиду. Находит О. Лейце маловероятным для ее превращения в отдельную провинцию и время после смерти Мазея (328 г.): тогда как Арриан, сообщающий о назначении Александром на место Мазея Стамена (Агг. ан. 4. 18. 3), ничего не говорит о таком переустройстве Вавилонии, то при сменившем Стамена македоняне Архоне в нем более не было нужды. См.: Leuze 1935, 305–306. Подобные рассуждения О. Лейце, на наш взгляд, едва ли можно признать убедительными. В самом деле, для нейтрализации Мазея на

и лишь где-то в конце правления македонского царя был преобразован в самостоятельную провинцию Месопотамия: если бы это случилось раньше, то какие-то упоминания о ней, пожалуй, должны бы были сохраниться в наших источниках в связи с событиями, предшествовавшими распределению сатрапий в Вавилоне в 323 г.³²

Нам точно известно, однако, о другом изменении той системы управления сирийским регионом, которая сложилась до сражения при Гавгамелах: спустя некоторое время этот регион, прежде, как было показано выше, разделенный на две сатрапии, снова стал единым административным целым. Действительно, именно такой предстает Сирия при распределении сатрапий в Вавилоне в 323 г., согласно которому ее главой был назначен Лаомедон, сын Лариха (Diod. 18. 3. 1; Arr. succ. 1. 5; Dexipp. FGrHist 100 F 8. 2; Curt. 10. 10. 2; Just. 13. 4. 12)³³. Когда конкретно это объединение произошло, сложно сказать, как сложно сказать и о том, кто управлял уже единой Сирией до Лаомедона (у Диодора в его рассказе о разделе сатрапий в Вавилоне она упоминается среди тех, которым достались новые главы). Вместе с тем мы знаем, что зимой 329/8 г. Асклепиодор, которого нужно считать идентичным сыну Эвника (см. ниже), привел к Александру пополнения в Бактры (Arr. an. 4. 7. 2; Curt. 7. 10. 12), а так как он, судя по всему, не вернулся обратно в Сирию, то можно заключить, что его деятельность в качестве сатрапа была на тот момент завершена. Что же касается Менона, сына Кердиммы, то о нем наши источники больше ничего не сообщают. Правда, есть предположение, что Менон – это «Бесс, сатрап Сирии», упоминаемый Аррианом вместе с Асклепиодором в том же пассаже, где сообщается об их прибытии к Александру в Бактры (Arr. an. 4. 7. 2), но оно отнюдь не бесспорно (см. ниже). Поэтому не исключено, что Менон продолжал находиться в Сирии, и если так, то вполне логично допустить, что именно он получил после ухода на восток в 329 г. Асклепиодора пост главы снова единой сатрапии. Ввиду того, что к этому времени во всем сирийском регионе был водворен мир и какая-то внешняя угроза для него отсутствовала, необходимость в делении прежней персидской провинции на две части, позволявшем прежде лучше контролировать ее обширную территорию, теперь уже явно отпала.

его новом посту было, как представляется, вполне достаточно тех мер, посредством которых Александр лишил его в сатрапии реальной военной власти, а также значительно ограничил его влияние в финансовой сфере (Arr. an. 3. 16. 4; ср.: Diod. 17. 64. 5; Curt. 5. 1. 43; к этому также см.: Bosworth 1988, 235–236). Далее, трудно представить, чтобы Александр, если бы он решил тогда выделить Месопотамию из состава сатрапии Вавилония, стал учитывать возможную негативную реакцию на это Мазея, тем более что такая его реакция была бы совсем не обязательна, ибо в его руках все равно оставалась бы собственно Вавилония, одна из важнейших областей державы. В свою очередь, то, что Арриан в кратком сообщении о назначении Стамена молчит по поводу обособления Месопотамии, само по себе ничего не значит: уже рассмотренный выше сирийский материал отлично показывает, что ждать от Арриана исчерпывающих сведений о делах административного порядка отнюдь не приходится. Наконец, совершенно очевидно, что нахождение македонянина на посту сатрапа не могло бы никак оградить его провинцию от изменения границ, если бы Александр счел это необходимым. Общую информацию о Мазее см.: Berve 1926/II, 243–245 (no. 484); Heckel 2006, 156–157. О Стамене, судя по всему, также персе: Justi 1895, 311; Berve 1926/II, 361 (no. 718); Heckel 2006, 255. Об Архоне: Berve 1926/II, 86–87 (no. 163); Heckel 2006, 43; Wheatley, Heckel 2011, 117.

³² Таковую же датировку см.: Bosworth 1980, 292. Менее определенно датируют образование сатрапии Месопотамия, к примеру: Julien 1914, 27; Lehmann-Haupt 1921, 155–156; Berve 1926/I, 259; II, 75 (no. 142).

³³ О нем: Berve 1926/II, 231–232 (no. 464); Heckel 2006, 146; Wheatley, Heckel 2011, 91–92.

Кто бы, впрочем, не стал сатрапом Сирии в 329/8 г., это навряд ли был Менес, сын Дионисия, из Пеллы. Впервые этот македонянин появляется в наших источниках в связи событиями вскоре после битвы при Иссе, в конце 333 г.: Арриан сообщает, что тогда он вошел в число соматофилаков Александра вместо Балакра, сына Никанора, назначенного сатрапом Киликии (Arr. an., 2. 12. 2)³⁴.

Рассказывая далее об административных назначениях, о которых македонский царь распорядился в Сузах зимой 331/0 г., Арриан пишет: «А к морскому побережью он (*sc.* Александр) отправил в качестве гипарха Сирии, Финикии и Киликии Менеса. Он поручил ему доставить к морскому побережью около трех тысяч талантов серебра и из них послать Антипатру столько, сколько Антипатру будет нужно для войны против лакедемонян» (Arr. an. 3. 16. 9–10: ἐπὶ θάλασσαν δὲ κατέπεμψεν ὑπαρχὸν Συρίας καὶ Φοινίκης καὶ Κιλικίας Μένητα. καὶ τοῦτῳ ἔδωκεν ἀργυρίου τάλαντα ἑς τρισχίλια φέρειν ἐπὶ θάλασσαν, καὶ ἀπ' αὐτῶν ἀποστεῖλαι παρ' Ἀντίπατρον ὅσων ἂν δέηται Ἀντίπατρος ἐς τὸν πρὸς Λακεδαιμονίους πόλεμον). Диодор и Курций (которые, судя по схожести их сообщений, черпали в данном случае информацию из одного и того же источника) упоминают назначение Менеса среди тех, которые были сделаны Александром немногим раньше, когда он находился в Вавилоне в конце осени 331 г. Диодор отмечает: «Аполлодора из Амфиполя и Менеса из Пеллы он (*sc.* Александр) назначил стратегами области Вавилонии и сатрапий до Киликии и, дав им одну тысячу талантов серебра, предписал нанять как можно больше воинов» (Diod. 17. 64. 5: Ἀπολλόδωρον δὲ τὸν Ἀμφιπολίτην καὶ Μένητα τὸν Πελλαῖον ἀπέδειξε στρατηγούς τῆς τε Βαβυλῶνος καὶ τῶν σατραπειῶν μέχρι Κιλικίας, δοὺς δὲ αὐτοῖς ἀργυρίου τάλαντα χίλια προσέταξε ξενολογεῖν στρατιώτας ὡς πλείστους). При этом у Курция значится следующее: «... преторами во главе области Вавилонии и Киликии он (*sc.* Александр) оставляет Менеса и Аполлодора. Им он дает две тысячи воинов вместе с одной тысячей талантов; и тому и другому предписывается набирать воинов для пополнения» (Curt. 5. 1. 43: ... praetores, qui regioni Babyloniae ac Ciliciae praeessent, Meneta et Apollodorum relinquit. II milia his militum cum mille talentis data; utriusque praeceptum ut in supplementum milites legerent).

Если у Диодора и Курция Менес больше вообще не упоминается, то в традиционном тексте труда Арриана он фигурирует еще дважды. Описывая отправку Александром из Экбатан греческих союзников, включая фессалийцев, обратно на родину летом 330 г., Арриан говорит: «Эпокиллу, сыну Полиида, он (*sc.* Александр) приказал сопровождать их до морского побережья с другими всадниками для их охраны <...> Написал он и Менесу, чтобы он, когда они придут к морскому побережью, позаботился об их переправе на триерах на Эвбею» (Arr. an. 3. 19. 6: Ἐπόκιλλον δὲ τὸν Πολυειδοῦς ἔταξε καταγαγεῖν αὐτοὺς ὡς ἐπὶ θάλασσαν, ἰπέας ἄλλους ἔχοντα ἐς φυλακὴν αὐτῶν <...> ἐπέστειλε δὲ καὶ Μένητι, ἐπειδὴν ἀφίκονται ἐπὶ θάλασσαν, καὶ ἐπιμεληθῆναι ὅπως ἐπὶ τριηρῶν κομισθῆσονται ἐς Εὐβοίαν). И далее в связи с изложением Аррианом событий в Бактрах зимой 329/8 г. мы читаем: «Прибыли в это время с морского побережья Эпокилл, Меламнид и Птолемей, стратег фракийцев, которые сопровождали деньги, посланные вместе с Менесом, и союз-

³⁴ То, что Менес, сын Дионисия, идентичен Менесу, о котором пойдет речь ниже (в источниках этот Менес упоминается без патронимика), не вызывает сомнений. При этом Диодор добавляет, что он происходил из Пеллы (17.64.5). См.: Berve 1926/II, 257 (no. 507); Tatakis 1998, 157; Heckel 2006, 164.

ников до морского побережья» (Arr. an. 4. 7. 2: ἦκον δὲ ἐν τῷ αὐτῷ Ἐπόκιλλος καὶ Μελαμνίδας καὶ Πτολεμαῖος ὁ τῶν Θρακῶν στρατηγὸς ἀπὸ θαλάσσης, οἱ τὰ τε χρήματα <τὰ> ξὺν Μένητι πεμφθέντα καὶ τοὺς ξυμμάχους ὡς ἐπὶ θάλασσαν κατήγαγον).

Обратимся вначале к тем из процитированных сообщений, в которых упоминается получение Менесом нового поста. При их сравнении видно, что подобного рода сообщение Арриана сильно расходится с тем, что по этому поводу написано у Диодора и Курция. Если оставить в стороне детали, в частности разницу в указаниях на время данного события, несущественную при определении характера должности Менеса³⁵ (период между пребыванием Александра в Вавилоне и его пребыванием в Сузах совсем незначителен³⁶), особенно бросается в глаза то, что Диодор и Курций, в отличие от Арриана, объединяют вместе назначения Аполлодора и Менеса, причем делают это без обозначения распределения между ними сфер их ответственности и функций. Тогда как Арриан называет Менеса «гипархом Сирии, Финикии и Киликии», у Диодора Аполлодор и Менес фигурируют в качестве «стратегов области Вавилона и сатрапий до Киликии», а у Курция – «преторов области Вавилонии и Киликии».

Впрочем, у нас есть возможность определить, какой конкретно пост занял в тот момент Аполлодор: из рассказа Арриана об административных решениях, принятых Александром в связи с сатрапией Вавилония, в правильности информации которого в данном случае нет нужды сомневаться, известно, что Аполлодор был поставлен здесь командующим (стратегом) македонских оккупационных войск (Arr. an. 3. 16. 4; 7. 18. 1; ср.: Plut. Al. 73. 3)³⁷. Поэтому из сообщений Диодора и Курция, предполагающих схожесть должностей Аполлодора и Менеса, казалось бы, должно следовать, что Менес получил тогда такой же пост, что и Аполлодор³⁸, но только в районе, лежавшем к западу от Вавилонии. Причем выходит, что данный район приблизительно соответствовал тому, который назван для Менеса Аррианом: им, согласно выражению Диодора «сатрапии до Киликии», должна была быть либо одна Сирия, либо Сирия и Киликия (если во фразе μέχρη Κιλίκιας предлог μέχρη использован в расширительном значении – «до Киликии включительно»)³⁹, а по Курцию, – Сирия и Киликия (ибо понятно, что в его вы-

³⁵ Не исключено, что эта разница может быть объяснена следующим допущением: Александр заявил о новом назначении Менеса в Вавилоне, но затем взял его с собой в Сузы (предположим, чтобы обеспечить достаточным количеством денег, которые ожидал там захватить) и уже оттуда отправил Менеса на запад, во вверенный тому регион. В свою очередь, то расхождение, что у Арриана говорится о 3 тыс. талантов, из которых часть нужно было отправить Антипатру, а у Диодора и Курция об 1 тыс. талантов, которые следовало потратить на вербовку наемников, можно было бы объяснить так: если эти цифры переданы верно, то 3 тыс. могли составлять общую сумму, данную Менесу, из которой 1 тыс. предназначалась для наема воинов, а 2 тыс. для посылки Антипатру. Ср.: Leuze 1935, 281–282; также ср.: Jacobs 1994, 65. Относительно 2 тыс. воинов, упоминаемых Курцием, см. ниже.

³⁶ Ок. двух месяцев. К этому см.: Bosworth 1974, 53–54.

³⁷ О нем см.: Berve 1926/II, 257 (no. 101); Tataki 1998, 47; Heckel 2006, 40–41 [1].

³⁸ При этом не совсем понятно суждение О. Лейце, который заявляет, что Диодор и Курций считали Аполлодора и Менеса (ошибочно) сатрапами (Leuze 1935, 281–282). О том, что это не так, по крайней мере, в случае Курция, определенно говорит неоднократное упоминание им далее в качестве сатрапа Вавилонии не Аполлодора, а Мазея (Curt. 5. 1. 44; 8. 12; 8. 3. 17; о нем см. ниже). Что же касается Диодора, то в его последующем повествовании Мазей не фигурирует. Однако использование им в процитированном пассаже того же источника, каким пользовался и Курций, предполагает, что Диодор должен был держаться насчет положения Аполлодора сходного с ним мнения.

³⁹ Ср.: Leuze 1935, 281; Bosworth 1974, 63.

ражении «область Вавилонии и Киликии», бессмысленном с точки зрения географии, места для Сирии, которая располагалась между этими двумя сатрапиями, то ли по небрежности самого Курция, то ли позднего переписчика не оказалось)⁴⁰.

Однако занятие здесь Менесом должности, подобной должности Аполлодора в Вавилонии, представляется крайне сомнительным. Действительно, назначение последнего командующим размещенными в Вавилонии македонскими войсками определялось тем фактом, что ее сатрапом был поставлен перс Мазей (Arr. an. 3. 16. 4; 4. 18. 3; 7. 18. 1; Curt. 5. 1. 44; 8. 12; 8. 3. 17): как и в других провинциях, главами которых Александр делал представителей восточной знати, присутствие в Вавилонии Аполлодора должно было ограничивать в ней власть Мазея в военной сфере, по крайней мере фактически⁴¹. Но ситуация в Сирии и Киликии была иной: там посты сатрапов занимали македоняне, до сих пор сами возглавлявшие оставленные им войска⁴². Если Александр пытался ограничить и их военную власть, передав руководство вверенными им вооруженными силами особому командующему, то тогда совершенно необъяснимо, почему эта мера затронула их, а в прочих аналогичных случаях, т.е. там, где сатрапами были также македоняне (либо греки), более не применялась. Да и с чисто военной точки зрения в создании поста подобного командующего явно не было никакой необходимости, так как сколь-нибудь серьезной угрозы македонскому господству в Сирии и Киликии (которая, наверное, могла бы подвигнуть Александра к сосредоточению в одних руках военной власти в регионе) на тот момент не существовало. Таким образом, кажется ясным, что информация Арриана о должности Аполлодора не способна нам помочь при выяснении того, какой именно пост тогда достался Менесу, поскольку в сообщениях Диодора и Курция (как, вероятно, и в их общем источнике) оказались некорректно объединены вместе назначения на две разные должности⁴³.

⁴⁰ Д. Шеклтон Бейли считает, что в данном месте в тексте Курция есть пропуск и предлагает его заполнить так: *ac Cilici<a tenuis Mesopotami>ae*. При этом в качестве альтернативы он приводит вариант Ф. Гудеара: *ac <Mesopotamiae usque ad fines> Ciliciae* (Shackleton Bailey 1981, 176). В обоих этих исправлениях, однако, озадачивает присутствие Месопотамии, о которой ни в пассаже Диодора, ни в сообщениях Арриана о назначениях Аполлодора и Менеса, нет и слова. Кроме того, отметим, что Курций не использует в остальном тексте предлог *tenuis*, а подтверждение тому, что фраза *usque ad fines*, к которой он подчас прибегает, может означать у него «вплоть до границ чего-то включительно», найти не удастся. Ср.: Atkinson 1994, 52. Впрочем, отнюдь не обязательно, что это место вообще требует какой-то эмэндации: не исключено, что возникшая здесь географическая бессмыслица возникла из-за неточности в передаче своего источника самим Курцием.

⁴¹ Badian 1965, 174; Bosworth 1988, 235–236; Jacobs 1994, 64–65; Anson 2013, 141–143. На то же было нацелено и назначение начальником гарнизона (в 700 или 1000 воинов), размещенного в цитадели Вавилона, Агафона из Пидны, который должен был к тому же отчасти ограничивать военную власть в провинции и самого Аполлодора (Diod. 17. 64. 5; Curt. 5. 1. 43).

⁴² О войсках, находившихся под их командованием, у нас, правда, есть только одно прямое свидетельство, а именно в случае Менона в северной Сирии (Arr. an. 2. 13. 7). Однако военные действия, которые вели Андромах в южной Сирии (см. выше) и Балакр в Малой Азии (Curt. 4. 5. 13; Diod. 18. 22. 1), совершенно определенно говорят о наличии воинских контингентов и у этих сатрапов.

⁴³ Ср.: Leuze 1935, 282; Bosworth 1974, 54–55. Логично в таком случае полагать, что 2 тыс. воинов, о которых говорит Курций, были предоставлены Аполлодору в качестве оккупационных войск сатрапии Вавилония, а 1 тыс. талантов, о которых сообщают и Курций и Диодор, – Менесу (о чем заставляет думать и свидетельство Арриана о 3 тыс. талантов, данных ему Александром). И тогда получается, что именно Менес должен был заняться вербовкой наемников (действительно, эта задача меньше подходила для той должности, которую, как мы выяснили, занял Аполлодор). Объединив

Не лучше обстоит дело в данной связи и с определением Аррианом Менеса как «гипарха Сирии, Финикии и Киликии»: главная трудность здесь заключается в неоднозначности термина «гипарх». Если говорить в общем, то этот греческий термин, когда он применяется по отношению к определенному лицу, означает либо нижестоящего военачальника, либо (в основном) подвластного правителя или наместника той или иной области⁴⁴. В «Анабасисе» и «Индии» Арриана слово «гипарх» встречается неоднократно. И если не учитывать случай Менеса, то так у него именуется подчиненный (либо считающийся подчиненным) правитель или управляющий известной территорией, включая иногда сатрапа. Действительно, имеются два несомненных случая, когда Арриан называет сатрапа словом «гипарх». Это – Арсит, персидский сатрап Геллеспонтской Фригии (Агг. ап. 1. 12. 8)⁴⁵, а также Мазей, который был назначен сатрапом Вавилонии уже при Александре (Агг. ап. 4. 18. 3) (причем, в отличие от Арсита, Мазей в других местах назван Аррианом более точно – сатрапом: Агг. ап. 3. 16. 4; 7. 18. 1)⁴⁶. Исходя из этого, Б. Босуорт заключает, что Арриан использовал термин «гипарх» в качестве синонима для слова «сатрап» и в отношении Менеса. По его мнению, Арриан сделал это, как и в других подобных случаях, из стилистических соображений, чтобы избежать в соответствующем пассаже повторения слова «сатрап», которое он употребил немногим выше⁴⁷. Подобный аргумент, впрочем, нельзя признать весомым: Арриан в «Анабасисе» нередко использует термин «сатрап» в одном пассаже дважды, а иногда и больше (подчас вместе с однокоренными словами), не прибегая к его замене каким-то синонимом⁴⁸. Поэтому не может быть никакой уверенности в том, что и в случае с Менесом им был употреблен термин «гипарх»

вместе назначения Аполлодора и Менеса на два разных поста, Курций и Диодор (либо их общий источник) в то же самое время ошибочно смешали и их функции.

⁴⁴ LSJ9 s.v. ὑπαρχος.

⁴⁵ Хотя Арриан и не именует его сатрапом, приведенная им точка зрения Арсита, которую тот высказал на военном совете в Зелее (Агг. ап. 1. 12. 10), ясно предполагает, что он был единственным, кто управлял Геллеспонтской Фригией. К тому же Арсит прямо фигурирует у Павсания как ее сатрап (Paus. 1. 29. 10). Об Арсите см.: Berve 1926/II, 82 (no. 151); Heckel 2006, 54–55.

⁴⁶ Кроме того, не исключено, что в том же значении Арриан использует термин «гипарх» и в случае перса Мифробузана, возглавлявшего при Гранике воинский контингент из Каппадокии у Тавра и павшего в битве (Агг. ап. 1. 16. 3). См.: Heckel 2006, 168–169; ср.: Berve 1926/II, 263 (no. 527). В свою очередь, обычно считается, что под убитым в 326 г. ассакенами, по выражению Арриана, «их гипархом» (Агг. ап. 5. 20. 7) необходимо считать Никанора, который незадолго до того был назначен Александром сатрапом земель к западу от Инда (Агг. ап. 4. 28. 6). См., к примеру: Berve 1926/II, 275–276 (no. 556); Heckel 2006, 177 [6]. Правда, на данный счет есть и другое предположение, согласно которому убитым «гипархом» был не Никанор, а местный правитель ассакенов, лояльный к македонянам (Bosworth 1995, 321–322; ср.: 1983, 38. п. 6). С другой стороны, Арриан называет индийского князя Самба сатрапом (Агг. ап. 6. 16. 3), тогда как соседнего правителя Паталы, который имел с ним равный статус, – гипархом (Агг. ап. 6. 17. 5). Ниже приведены прочие случаи употребления Аррианом в «Анабасисе» и «Индии» термина «гипарх»: Агг. ап. 4. 1. 5; 21. 1; 21. 9 (бактрийские и согдийские вельможи); 4. 22. 4 (македонский глава Александрии Кавказской); 4. 22. 6–8; 24. 1, 5; 28. 6; 5. 2. 2; 8. 2, 5; 5. 20. 6; 29. 4 (индийские князья); 6. 27. 4 (наместники в державе Александра); Агг. Ind. 12. 6 (индийские наместники); 33. 8; 34. 1; 36. 1 (македонский управляющий районом Гармозия); 37. 2 (управляющий островом Оаракта); к тому же см.: Агг. ап. 3. 5. 7 (римский наместник Египта). Относительно Агг. ап. 4. 7. 2 см. ниже.

⁴⁷ Bosworth 1974, 55–57.

⁴⁸ См., в частности: Агг. ап. 3. 8. 3–4; 21. 1; 4. 18. 1–3; 6. 15. 2–3; 27. 1–3 (последний случай особенно примечателен).

как синоним для слова «сатрап» (тем более что в данном пассаже слово «сатрап» фигурирует лишь один раз).

Позволим себе не согласиться и с критикой Б. Босуортом позиции О. Лейце, высказавшегося решительно против того, что Менес был назначен Александром на пост главы объединенных в одну сатрапию Киликии и Сирии. О. Лейце считает едва ли возможным, чтобы Александр передал столь важные провинции в одни руки. Он указывает на то, что, во-первых, у этих провинций на момент назначения Менеса уже были свои сатрапы – в Киликии Балакр, а в Сирии Асклепидор, а во-вторых, существование Сирии как отдельной, не связанной с Киликией сатрапии засвидетельствовано для 329 г., а также на момент смерти Александра⁴⁹.

Напротив, с точки зрения Б. Босуорта, объединение Александром этих провинций под властью одного сатрапа было полностью оправданным. Оно было обусловлено острой потребностью македонского царя в то время в воинских пополнениях. К 331 г. на Левантийском побережье от Тавра до Египта был установлен мир, а потому более не было нужды в присутствии здесь отдельных сатрапов, каждого со своими войсками. Часть этих войск могла быть теперь отправлена к Александру, тогда как с оставшимися Менес должен был поддерживать порядок в регионе и особенно обеспечивать прохождение через него других пополнений для македонской армии. При этом, отмечает Б. Босуорт, возможность совершить объединение Киликии и двух сирийских сатрапий дала Александру гибель Балакра, которую он относит к 331 г. Что же касается сатрапов Сирии, то они были смещены со своих постов прибывшим в регион Менесом, но сразу его не покинули. В течение 330 г. эти экс-сатрапы занимались в Киликии и Сирии набором наемников для Александра, а затем сопровождали их в Бактры, появившись там зимой 329/8 г. Именно этим Б. Босуорт объясняет наличие в пассаже Арриана, где говорится о приходе данных пополнений⁵⁰, упоминания «сатрапа Сирии» (в котором, согласно ученому, нужно видеть Менона, сына Кердиммы), а также определения Асклепидора как «гипарха» (этот термин, по его мнению, использован в данном случае в качестве синонима для слова «сатрап»)⁵¹.

Прежде всего представляется малоубедительным тезис Б. Босуорта о том, что предполагаемое им объединение Киликии и двух сатрапий Сирии было совершенно Александром для обеспечения своей армии новыми пополнениями. Действительно, если бы такое объединение случилось, то сокращение в его результате войск, находившихся ранее под командованием сатрапов Киликии и Сирии, едва ли бы дало Александру много воинов из их числа: учитывая постоянную потребность македонского царя в живой силе (особенно усилившуюся, когда его армия снова продвигалась через сирийские земли перед решающей битвой с персами при Гавгамелах), очевидно, что он был не в состоянии предоставить сатрапам Киликии и Сирии значительные оккупационные войска; более того, в случае их сокращения Александр, чтобы и впредь надежно контролировать весь этот об-

⁴⁹ Leuze 1935, 280, 282–283.

⁵⁰ Arr. an. 4. 7. 2. Данный пассаж будет подробно рассмотрен ниже.

⁵¹ Bosworth 1974, 57–64; ср.: 1980, 319; 1988, 233. Заметим, что первым, кто предложил считать Менеса сатрапом, был К.Ю. Белох (который при этом допускал, что Менес сначала стал сатрапом Киликии, а после 329 г. также и Сирии) (Beloch 1923, 338). Но, в отличие от Б. Босуорта, К.Ю. Белох не привел в поддержку этой идеи какой-либо аргументации.

ширный регион, пусть теперь и замиренный, должен был все равно оставить здесь достаточное количество воинов, вряд ли сильно уступавшее прежнему. К тому же совершенно непонятно, почему нужно было реорганизовывать систему управления Киликии и Сирии, чтобы создать условия для продвижения через них других пополнений, главным образом наемников, набранных для македонской армии; во всяком случае, сколько-нибудь веских оснований думать, что прежняя система могла обеспечивать это хуже, не видится.

Далее, Б. Босуорт склонен считать, что Балакр, сын Никанора, сатрап Киликии⁵², погиб в 331 г., а стало быть, пост главы этой провинции оставался на момент отправки Менеса на запад вакантным⁵³. К сожалению, Диодор, сообщая о смерти Балакра во время его кампании в Исаврии против городов Ларанда и Исавра (XVIII. 22. 1)⁵⁴, не указывает, когда именно это произошло. Р. Биллоуз придерживается той точки зрения, что Балакр был убит в ходе боевых действий 332 г., когда он наряду с другими македонскими сатрапами Малой Азии противостоял персидским войскам, осуществлявшим там при опоре на Каппадокию и Пафлагонию контрнаступательные операции (Curt. 4. 1. 34–35; ср.: Diod. 17. 48. 5–6)⁵⁵. Как видно, датировка Б. Босуортом смерти Балакра близка к той, которой придерживается Р. Биллоуз (и помещена им в тот же исторический контекст). Но, в отличие от Р. Биллоуза, который не уделяет внимания вопросу о преемнике Балакра на посту сатрапа Киликии, Б. Босуорт находит его в лице Менеса. Если, однако, это так, то получается, что Менес не имел отношения к Киликии уже в 326 – начале 325 г., когда в Тарс прибыла приглашенная из Афин Гарпалом, главным казначеем Александра, гетера Гликера⁵⁶. И правда, будь тогда у Киликии, пусть и объединенной с Сирией в одну провинцию, сатрап, он навряд ли бы позволил ей разместиться в Тарсе в царском дворце, а горожанам увенчивать ее наряду с Гарпалом венками, падать перед ней ниц и величать царицей (Theopomp. FGrHist 115 F 254a–b)⁵⁷. Во всяком случае, этот сатрап наверняка был бы упомянут в нашей традиции в связи с подобным скандальным событием, причем не только бы Феопомпом. Конечно, не исключено, что в какой-то момент до того Менес либо был снят македонским царем со своего поста, либо умер, сведения о чем попросту не сохранились (хотя Б. Босуорт допускает исполнение им функций сатрапа Киликии и Сирии вплоть до смерти Александра⁵⁸). Впрочем, это – лишь чистое предположение, в поддерж-

⁵² О нем см.: Berve 1926/II, 100–101 (no. 200); Heckel 2006, 68–69 [2].

⁵³ Bosworth 1974, 58–60; 1980, 219; 1995, 43.

⁵⁴ Оставались ли эти города до тех пор все еще независимыми от македонской власти или подняли против нее восстание, непонятно. Однако каковой бы ни была причина этой кампании Балакра, очевидно, что Исаврия считалась сферой ответственности именно сатрапа Киликии. См.: Briant 1973, 48; Wheatley, Heckel 2011, 92. В данной связи, кроме того, см.: Kosmetatou 1997, 12, n. 26, которая указывает на ошибку Р. Биллоуза, относящего Исаврию к восточной Писидии (Billows 1997, 45).

⁵⁵ Billows 1997, 43–45. Об этом персидском контрнаступлении см. также выше.

⁵⁶ По поводу времени ее приезда в Тарс см. особенно: Körte 1919, 89. О Гликере, сменившей при Гарпале другую свою «коллегую», умершую Пифионику, см.: Körte 1919, 87–93; Berve 1926/II, 112–113 (no. 231); Heckel 2006, 126, 310, n. 325–326. Убедительную аргументацию против идеи о том, что в конце 325 – начале 324 г. Гарпал бежал Грецию не из Вавилона, а уже из Тарса, где и вел описанную Феопомпом экстравагантную жизнь с Гликерой (Lane Fox 1973, 412–413; Heckel 2006, 98, 130, 310, n. 325), см.: Jaschinski 1981, 38–39.

⁵⁷ Даже если Феопомп и несколько сгущает здесь краски, нет сомнения, что почести, воздававшиеся Гликере в Тарсе, выходили за рамки допустимых.

⁵⁸ Bosworth 1974, 63–64.

ку которого невозможно привести никаких аргументов. Напротив, в свете той информации, которая у нас имеется, кажется более обоснованным относить смерть Балакра не к 332–331 гг., а к концу правления Александра. Во-первых, отсутствие каких-либо репрессивных мер в отношении Ларанды и Исавры со стороны македонян стало бы понятнее, если Балакр был убит в более поздний момент (эти города понесут наказание уже от армии Пердикки в 322 г.: Diod. 18. 22. 1–8), и объяснило бы, почему Менес, раз он стал, по Б. Босуорту, сатрапом Киликии и Сирии вскоре после его смерти, не предпринял для этого никаких шагов. Во-вторых, выпуск в Тарсе двух серий серебряных статеров (персидского весового стандарта) с именем Балакра⁵⁹ также предполагает, что пребывание его в должности сатрапа не было столь уж ограниченным по времени⁶⁰. Таким образом, гибель Балакра, как представляется, лучше всего датировать последними годами жизни Александра, но не ок. 324 г., как часто считается⁶¹, а ок. 326 г., что, если данный вывод верен, делает назначение Менеса на пост главы Киликии в 331/0 г. невозможным.

Также весьма сомнительной кажется и идея Б. Босуорта, согласно которой тогдашнее назначение Менеса предусматривало немедленное смещение со своих постов двух сатрапов Сирии. На наш взгляд, этому явно противоречит тот рассказ из сочинения Арриана, где говорится о прибытии к Александру в Бактры зимой 329/8 г. новых пополнений (а точнее, та его часть, которая идет непосредственно за вышепротитированным сообщением о возвращении македонских полководцев, сопровождавших деньги, отправленные вместе с Менесом, и греческих союзников до морского побережья). Остановимся на данном пассаже подробнее.

В рукописной традиции он дошел до нас в следующем виде: «В это же время прибыли Асандр и Неарх, приведя войско греческих наемников, а равно Бесс, сатрап Сирии, и Асклепидор, гипарх, с морского побережья, которые также привели войско» (Αγγ. απ. 4. 7. 2: καὶ Ἄσανδρος δὲ ἐν τούτῳ ἦκεν καὶ Νέαρχος, στρατιὰν Ἑλλήνων μισθοφόρων ἄγοντες, καὶ Βῆσσός τε ὁ Συρίας σατράπης καὶ Ἀσκληπιόδωρος ὁ ὑπαρχος ἀπὸ θαλάσσης, καὶ οὗτοι στρατιὰν ἄγοντες). Уже давно было обращено внимание на странное присутствие в данном фрагменте «Бесса, сатрапа Сирии», более в наших источниках не встречающегося⁶². При этом ряд ученых на том основании, что имя «Бесс» – не македонское/греческое, а иранское, считали назначение Александром перса на пост сатрапа такого региона, как Сирия, крайне маловероятным и потому находили, что это имя представлено здесь в искаженном виде⁶³. Пожалуй, единственный, кто поставил подобное суждение под сомнение,

⁵⁹ В их легенде его имя значится либо полностью – ΒΑΛΑΚΡΟΥ, либо сокращенно – ΒΑ или Β. Об этих монетах см.: Aulock 1964, 79–82; Price 1991/I, 370; Mørkholm 1991, 46; и теперь особенно: Le Rider 2007, 153–156.

⁶⁰ Le Rider 2007, 154. Однако см.: Bosworth 1995, 43.

⁶¹ Berve 1926/II, 100 (no. 200); Briant 1973, 80; Heckel 2006, 69 [2]; Le Rider 2007, 154; Atkinson 2009, 222; Wheatley, Heckel 2011, 92–93; ср.: Vaumbach 1911, 65; Julien 1914, 20.

⁶² По крайней мере, со времени издания «Анабасиса» Арриана Н. Бланкардом (1668 г.).

⁶³ Beloch 1923, 338; Berve 1926/II, 108–109 (no. 213) Kahrstedt 1926, 10. То, что имя в данном случае искажено, обычно признается как издателями «Анабасиса» Арриана (включая А. Рооса), так и историками (к примеру, см.: Tarn 1948, 179–180; Bosworth 1974, 60–61; 1995, 41; Brunt 1976, 361, п. 3). Признано это было и К. Леманн-Хауптом, который, однако, считал, что назначение Александром на пост сатрапа Сирии перса являлось вполне возможным. При этом его предложение исправить здесь имя «Бесс» на «Белесис», который, с его точки зрения, принадлежал к знатной персидской семье, осуществлявшей наследственную власть над Сирией где-то до 350 г. и теперь снова ее полу-

был О. Лейце. Он не находит ничего немислимого в том, что перс мог быть поставлен македонским царем сатрапом Сирии после битвы при Гавгамелах, и, исходя из этого, заключает, что имя «Бесс» передано в данном пассаже совершенно корректно⁶⁴. На наш взгляд, с этим выводом О. Лейце нельзя согласиться, однако не потому, что критика им идеи о проблематичности занятия тогда персом поста сатрапа Сирии кажется нам несостоятельной (действительно, возможность подобного назначения в принципе отнюдь не исключена, учитывая, что после победы при Гавгамелах Александр стал ставить сатрапами представителей персидской знати регулярно). Дело тут в другом: даже если не принимать во внимание тот факт, что имя «Бесс» вообще крайне редкое и в истории Александра встречается в связи лишь с одним лицом⁶⁵, весьма подозрительным видится упоминание в тексте Арриана как через предложение выше, так и через предложение ниже данного фрагмента именно того Бесса, который нам отлично известен – инициатора убийства Дария III, провозгласившего себя затем новым Великим царем⁶⁶. Случайность ли это, как полагает О. Лейце? Навряд ли. Скорее всего, здесь мы сталкиваемся с ошибкой переписчика: очень похоже, что тогда как мысли переписчика еще занимал только что названный им Бесс, его взгляд в этом месте переместился немного вперед, в результате чего он и написал вместо имени некоего македонянина имя «Бесс», героя уже следующего эпизода⁶⁷.

Еще одно расхождение во мнениях исследователей связано с упомянутым в том же пассаже «гипархом» Асклепидором. До О. Лейце, кажется, никто не сомневался в том, что это – Асклепидор, сын Эвника⁶⁸, который, как мы уже видели, был назначен Александром летом 331 г. сатрапом Сирии (по нашему мнению, ее северной части) вместо Ариммы. Однако О. Лейце считает, что здесь перед нами другой Асклепидор, некий высокопоставленный македонский офицер, деятельность которого тогда заключалась лишь в наборе и/или сопровождении из сирийского региона в расположение Александра пополнений для его армии. Что же касается Асклепидора, сына Эвника, то, с точки зрения ученого, он в какой-то момент до конца 329 г. умер и был заменен на посту сатрапа Сирии Бессом (см. выше)⁶⁹. Согласиться с подобной теорией О. Лейце, думается, нельзя. Как верно отметил по ее поводу Б. Босуорт, «это консерватизм, доведенной до крайней и абсурдной степени»⁷⁰. В самом деле, помимо того, что нет ничего исключительного в возможности привода пополнений в Бактры именно сатрапом Асклепидором, трудно признать совпадением (во всяком случае, оно выглядит весьма подозрительным), что приблизительно в одно время и в одном регионе действовали два

чившей из рук македонского монарха (Lehmann-Haupt 1921, 156–157), не было поддержано учеными. Критику этого предложения см. особенно: Leuze 1935, 291–293.

⁶⁴ Leuze 1935, 290–293. Ср.: Schachermeyr 1973, 283.

⁶⁵ По поводу данного имени см.: Justi 1895, 67. К тому же см. могущий быть полезным в этой связи комментарий М.А. Дандамаева к имени Biesu: Дандамаев 2010, 119 (no. 124).

⁶⁶ Общую информацию об этом Бессе см.: Berve 1926/II, 105–108 (no. 212); Heckel 2006, 71–72.

⁶⁷ Bosworth 1974, 61; 1995, 41; Brunt 1976, 361, n. 3; ср.: Tarn 1948, 179.

⁶⁸ К примеру, см.: Julien 1914, 22; Beloch 1923, 338; Berve 1926/II, 88 (no. 167). Так же и позднее, см., в частности: Bosworth 1988, 233; 1995, 41–42; Jacobs 1994, 64; Tataki 1998, 273; Heckel 2006, 57–58 [1].

⁶⁹ Leuze 1935, 293–300.

⁷⁰ Bosworth 1974, 60–61. Наши доводы против теории О. Лейце, приведенные далее, ср. с теми, которые в данной связи представил Б. Босуорт (Bosworth 1974, 61).

носителя такого имени⁷¹. То же, что выражение Арриана «с морского побережья»⁷² следует понимать в рассматриваемом пассаже как указание на Сиро-финикийский регион (либо в том числе на него), кажется ясным: это не только вытекает из самого пассажа (откуда еще «Бесс, сатрап Сирии» заодно с Асклепидором должен был вести войско, как не из своей провинции, лежавшей, подобно всему названному региону, вблизи Средиземного моря?), но и прямо подтверждается Курцием, который пишет, что Асклепидор прибыл тогда с пополнениями из Сирии (Curt. 7. 10. 12)⁷³. В свою очередь, упоминание в данном месте Аррианом Асклепидора без патронимика, на что также обращает внимание О. Лейце, вполне объяснимо: поскольку Арриан ранее уже дважды указывал его патронимик (Агг. ан. 3. 5. 1; 6. 8), делать это и в третий раз он, по всей вероятности, не считал необходимым⁷⁴. Далее, едва ли можно признать веским и тот довод, что Асклепидор назван здесь не сатрапом, а «гипархом», причем без обозначения территории, на которую распространялись его служебные обязанности. Действительно, отнюдь не исключено, что в этом случае термин «гипарх» был использован Аррианом в качестве синонима для слова «сатрап», чтобы избежать его повторения в одной фразе (отметим в данной связи и перечисление здесь «Бесса» и Асклепидора через τὸ ... καί, что должно предполагать равнозначность их положения⁷⁵). Также соображениями стилистики можно истолковать и отсутствие при этом ссылки на территорию: если оба названных лица были и правда сатрапами Сирии, т.е. сатрапами двух ее провинций, то вполне допустимо, что Арриан, стремясь не превращать фразу в слишком тяжеловесную (и вместе с тем полагая, что читатель и так помнит, кем был этот Асклепидор), ограничился указанием на регион только в первом случае (сочтя при этом добавку «с морского побережья» достаточной, что-

⁷¹ Даже если учесть, что это имя нередкое, в том числе и для Македонии. См.: Tatakí 1998, 152, 272–273, 477; ср.: 131 (Асклепидор [sic!], сын Фрасона, 365/40 г.). В истории Александра зафиксированы четыре носителя подобного имени, включая Асклепидора, сына Эвника. Помимо указания их в книге А. Татаки, см. также: Berve 1926/II, 88–89 (nos. 166–170); Heckel 2006, 57–58 [1–4].

⁷² Очень странно, что ряд ученых связывают данное выражение со словом «гипарх», в результате чего именуют Асклепидора ὑπάρχος ἀπὸ θαλάσσης, находя это названием его должности (в частности, см.: Beloch 1923, 338; Berve 1926/II, 88 [no. 167]). С подобным суждением, конечно, нельзя согласиться. Даже если не принимать во внимание тот факт, что должность, которая бы так называлась, более неизвестна, совершенно очевидно, что ἀπὸ θαλάσσης зависит в этом предложении от глагола ἦκεν. Насколько можно судить, выражения ἀπὸ θαλάσσης и ἐπὶ θάλασσαν у Арриана – технические, представляющие собой просто указания направления. Ср.: Leuze 1935, 288–289. Б. Босуорт также считает, что ἀπὸ θαλάσσης не связано здесь со словом «гипарх», но относит его к стоящему дальше причастию ἄγοντες (Bosworth 1974, 62; ср.: 1995, 42). На наш взгляд, такое понимание, однако, едва ли верно: поскольку в предыдущем предложении выражение ἀπὸ θαλάσσης однозначно зависит от ἦκεν, логично полагать, что и в пассаже, который сейчас нами обсуждается, Арриан использовал именно сходную конструкцию.

⁷³ Хотя у Арриана там, где он ведет речь о перемещении кого-то с запада во внутренние области Азии и vice versa (соответственно ἀπὸ θαλάσσης и ἐπὶ θάλασσαν), в качестве ориентира выступает побережье Восточного Средиземноморья в целом, включая побережье Малой Азии (Агг. ан. 1. 25. 3; 4. 7. 2 [вместе с Curt. 7. 10. 12] – Непарх и Асандр; 7. 24. 1), несколько чаще в таких случаях у него все же имеется в виду Левантийское побережье (Агг. ан. 3. 16. 9–10; 19. 5–6; 4. 7. 2 [Эпокилл, Меламнид, Птолемей]).

⁷⁴ Как и еще раз, последний (Агг. ан. 4. 13. 4). Вообще говоря, у Арриана отсутствует четкое правило насчет указания патронимиков для лиц, которых он упоминает (иногда он называет их патронимик, а иногда нет), хотя тенденция к тому, чтобы приводить патронимик человека, когда тот появляется в повествовании впервые, у него все же прослеживается. Ср.: Там 1948, 179.

⁷⁵ Ср.: Leuze 1935, 297, 299.

бы было понятно, о каком именно Асклепиодоре идет речь). Наконец, поскольку трое из упоминаемых Аррианом в данном предложении предводителей пришедших в Бактры пополнений являлись сатрапами (Асандр – сатрапом в отставке; см. ниже), то резонно было бы ожидать, что и четвертый, Асклепиодор, имел с ними сходный статус.

Итак, вышесказанное, как кажется, дает веские основания считать, что «гипарх» Асклепиодор, фигурирующий у Арриана в рассматриваемом пассаже, и Асклепиодор, сын Эвника, идентичны. При этом, исходя из того предположения, что Асклепиодор был сатрапом северной части Сирии, Б. Босуорт находит допустимым исправить имя «Бесс», приведенное Аррианом в том же месте, на имя сатрапа, который, по всей вероятности, был поставлен Александром весной 331 г. во главе южной части Сирии, т.е. Менона, сына Кердиммы (см. выше) (... Μένων τε ὁ Συρίας σατράπης καὶ Ἀσκληπιόδωρος ὁ ὕπαρχος...) ⁷⁶. Таким образом, подобная эмендация Б. Босуорта, – которую в принципе стоит признать возможной, – предполагает прибытие с пополнениями к Александру в Бактры зимой 329/8 г. обоих сирийских сатрапов.

Вместе с тем позволим себе выступить против идеи Б. Босуорта о том, что это были экс-сатрапы, смененные Менесом где-то в начале 330 г., но потом занимавшиеся на месте набором воинов, которых они поэтому и привели к македонскому царю лишь по прошествии времени. Во-первых, если бы это были и правда экс-сатрапы, то не видится никакой причины, которая бы помешала Арриану указать данное обстоятельство (см., к примеру: *Ag. an.* 6. 15. 3), пусть и без скольконибудь подробного сопровождающего комментария на данный счет (вместо же этого он обозначает их статус на момент прибытия в Бактры как актуальный). Во-вторых, совершенно непонятно, почему нужно думать, что вопрос о вербовке наемников в регионе должны были решать непременно прежние, а не действующие сатрапы Сирии. В-третьих, крайне сомнительно, чтобы процесс формирования ими контингента, с которым они затем прибыли к Александру (3 или 4 тыс. пехотинцев ⁷⁷ и 500 всадников: *Curt.* 7. 10. 12), занял столь длительный период, т.е. приблизительно полтора года, даже если учесть, что за это время в том же регионе был сформирован и другой сходный по численности отряд (3 или 4 тыс. пехотинцев ⁷⁸ и 1 тыс. всадников: *Curt.* 7. 10. 11): денежная сумма на вербовку наемников Менесу была предоставлена, как кажется, достаточная ⁷⁹, а каких-либо серьезных препятствий по их доставке морским путем в том числе с Балканского полуострова уже к тому моменту не существовало ⁸⁰; кроме того, если Б. Босуорт прав, то в

⁷⁶ Bosworth 1974, 62–63; ср.: 1995, 42.

⁷⁷ В данном случае – разночтение в манускриптах.

⁷⁸ См. предыдущее прим.

⁷⁹ См. выше, вместе с прим. 35 и 43.

⁸⁰ Не могла здесь уже послужить помехой и война, развязанная спартанским царем Агисом III в Пелопоннесе в 331 г.: она завершилась самое позднее весной – летом 330 г. Полезный обзор точек зрения относительно хронологии этой войны см.: Маринович 1993, 230–231, n. 15; из более новых работ см. на этот счет, в частности: Badian 1994, 268–277; Atkinson 1994, 167 (ср.: 1980, 482–485); Heckel 1997, 183–188; 2020, 127, n. 130; Blackwell 1999, 54, n. 67; Nawotka 2010, 224–225. Более того, очевидно, что окончание войны Агиса III должно было только увеличить число «нетрудоустроенных» греческих наемников, а значит, способствовать делу их вербовки македонянами для пополнений, ожидаемых Александром на востоке (при этом очень похоже, что в состав отряда, который был тогда же прислан Александру Антипатром [7500 пехотинцев и 500 всадников: *Curt.* 7. 10. 12], вошли

контингент Асклепиодора и, как он считает, Менона должна была входить и часть прежних оккупационных войск Сирии и Киликии (см. выше), времени на набор которых, следовательно, было совсем не нужно тратить. В свою очередь, нет необходимости обращать внимание в данной связи на тот факт, что только теперь в Бактры пришли из Ликии с пополнением из наемников Асандр, сын Филоты, экс-сатрап Лидии⁸¹, который был заменен на этом посту Менандром еще весной 331 г. (Агг. ан. 3. 6. 7), и Неарх, сын Андротима, сатрап Ликии и Памфилии (Агг. ан. 4. 7. 2; Curt. 7. 10. 12)⁸². В самом деле, очевидно, что Асандр не мог все время после своей отставки, т.е. приблизительно два с половиной года, заниматься вербовкой воинов именно для данного отряда (3 или 4 тыс. пехотинцев и 500 всадников: Curt. 7. 10. 12), но осуществлял какую-то еще деятельность. Не исключено, что эта его деятельность была, помимо прочего, связана с руководством по набору наемников для Александра (скорее всего, в Балканской Греции), очередную партию которых, если это так, он (вероятно, теперь вызванный Александром) и доставил сам в Ликию в 329 г., а оттуда вместе с Неархом сопроводил до Бактр⁸³. Что же касается Неарха, то считать его причастным к вербовке воинов для этого отряда вообще нет никаких оснований. Действительно, предположение о том, что он был смещен с поста сатрапа уже в 331 г. и направлен вместе с Асандром на Балканы для набора наемников⁸⁴, чисто умозрительно⁸⁵. Более того, привлечение Александром к решению этой задачи сразу двух сатрапов, освобожденных им одновременно со своих должностей, выглядит странным. Логичнее полагать, что Неарх просто присоединился (наверняка выполняя соответствующее распоряжение Александра) к Асандру, когда путь последнего во главе набранных им наемников лежал через Ликию, и в результате вместе с ним привел их в Бактры.

Таким образом, на наш взгляд, ничто не указывает на то, что Б. Босуорт прав, видя в сатрапах Сирии, прибывших к Александру в Бактры зимой 329/8 г., прежних, а не действующих на тот момент глав провинций⁸⁶. И если так, получается, что Менес никак не мог занять их место вскоре после своей отправки в регион зимой 331/0 г.

преимущественно те наемники, которые и так воевали на македонской стороне во время недавнего конфликта со Спартой).

⁸¹ О нем см.: Berve 1926/II, 87 (no. 165); Heckel 2006, 57–57 [1].

⁸² Общую информацию о Неархе см.: Berve 1926/II, 269–272 (no. 544); Heckel 2006, 171–173.

⁸³ Waumbach 1911, 61–62; Julien 1914, 12–13; Berve 1926/II, 87 (no. 165); Bosworth 1995, 41, который допускает и альтернативную возможность: Асандр оставался в Малой Азии в качестве помощника Неарха или, действуя заодно с ним, Антигона Одноглазого в деле замирения полуострова. Однако, на наш взгляд, кажется маловероятным, чтобы Асандр, сатрап Лидии, оказался после своей отставки низведенным до положения помощника другого регионального сатрапа, будь то Неарх или Антигон.

⁸⁴ Waumbach 1911, 62, 65; Julien 1914, 12–13, 17; ср.: Berve 1926/II, 269 (no. 544).

⁸⁵ Сходно считает и В. Хэзел (Heckel 2006, 320, n. 447).

⁸⁶ Не указывает на это и то, что Асклепиодор более не занимал пост сатрапа Сирии в 327 г.: последнее вытекает из употребления Аррианом аористного причастия, когда он попутно замечает, что Антипатр, один из участников заговора «пажей», был сыном Асклепиодора (Агг. ан. 4.13.4: Ἀσκληπιοδώρου τοῦ Συρίας σατραπεύσαντος). См.: Julien 1914, 22; Berve 1926/II, 88 (no. 167); Leuze 1935, 293; Bosworth 1974, 60, n. 4; 1995, 42; однако ср.: Tarn 1948, 179. Действительно, отнюдь не обязательно, что Асклепиодор должен был потерять пост сатрапа, уступив его Менесу после появления того в регионе в начале 330 г. Совершенно очевидно, что это могло произойти и позже (в том числе – и, на наш взгляд, вероятнее всего – сразу вслед за его прибытием к Александру в Бактры).

В свою очередь к тому, что уже было сказано нами против идеи Б. Босуорта о назначении Менеса сатрапом объединенных под его властью Сирии и Киликии, нужно добавить еще два соображения. Первое, передача ему в управление столь важных областей, как Сирия и Киликия, делала бы его положение совершенно особым, ведь тогда в руках Менеса сосредоточилась бы такая власть, которой не обладал – во всяком случае, до сих пор – никто из сатрапов Александра. Но в таком случае достаточно скромная роль Менеса в дальнейших событиях, если он, как считает Б. Босуорт, оставался на этом посту вплоть до конца правления Александра, выглядит крайне странной, ибо последний точно зафиксированный эпизод его деятельности относится только к лету 330 г.⁸⁷ Второе, подозрение в правильности понимания должности Менеса как сатрапа Сирии и Киликии вызывает и присутствие в описании его положения Аррианом Финикии («гипарх Сирии, Финикии и Киликии»), которое лишает данное описание точности: насколько можно судить, на финикийские города полномочия ни одного из македонских сатрапов при Александре не распространялись⁸⁸.

Итак, имея в виду все сказанное выше, кажется более верным полагать, что Александр назначил Менеса зимой 331/0 г. на другой пост⁸⁹.

При выяснении того, каким он мог быть, стоит обратить внимание на постоянные упоминания Аррианом Менеса в связи с морским побережьем, а так-

⁸⁷ Об эмэндации Ф. Шмидера, вводящей в *Агг. ап.* 4. 7. 2 имя Менеса, см. ниже.

⁸⁸ Что признает и сам Б. Босуорт (Bosworth 1988, 232). Кроме того, об этом см., к примеру: Berve 1926/1, 285; Badian 1965, 169; Schachermeyr 1973, 260.

⁸⁹ Пожалуй, здесь уместно отметить, что Б. Босуорт не единственный из современных ученых, кто видит в Менесе сатрапа Сирии, Финикии и Киликии. Сходной позиции придерживается и П. Брант. Он предлагает исправить имя «Бесс» в *Агг. ап.* 4. 7. 2 на «Менес», считая при этом, что упомянутый тут же гипарх Асклепиодор стал к данному моменту подчиненным последнего (Brunt 1976, 279, n. 11, 361, n. 3). С этим мнением П. Бранта, а стало быть, и с его эмэндацией нельзя согласиться. И правда, даже если оставить в стороне получающееся тогда довольно коротким нахождение Менеса на посту сатрапа, причину чего Арриан почему-то не объясняет, очевидно, что сфера ответственности, которую этот античный автор указал для Менеса ранее (Сирия, Финикия и Киликия), не соответствует той, которая им названа здесь (только Сирия), причем крайне маловероятно, чтобы Арриан в данной связи был столь уж неточен. Кроме того, кажется весьма сомнительным, что Асклепиодор, прежде назначенный сатрапом, немногим позднее был понижен Александром до положения подчиненного наместника другого сатрапа, т.е. Менеса.

В свою очередь, с точки зрения Б. Якобса, – развившего в данном случае гипотезу К. Леманн-Хaupt и Г. Берве о сатрапии Сирия, якобы включавшей в себя после битвы при Гавгамелах и земли за Евфратом (Lehmann-Haupt 1921, 155–157; Berve 1926/1, 259; II, 88, no. 167, 108, no. 213), – Менес был назначен главой провинции Ассирия/Месопотамия, которая не только состояла из малых сатрапий – собственно Ассирии, а также Сирии и Киликии, но и сама являлась частью большой сатрапии Вавилония. Таким образом, согласно ученому, Асклепиодор, сатрап Сирии, и Балакр, сатрап Киликии, были подчинены Менесу, а он со своей стороны подчинялся Мазею, сатрапу Вавилонии. Исходя из этого, Б. Якобс, как и П. Брант, считает вполне допустимым исправление имени «Бесс» в *Агг. ап.* 4. 7. 2 на «Менес» (Jacobs 1994, 63–67; 2006, s.v.). На наш взгляд, подобную теорию Б. Якобса трудно признать убедительной. Во-первых, идея о существовании в правление Александра столь обширной и при этом сложносоставной сатрапии Сирия, не говоря уже о сатрапии Вавилония, не имеет под собой надежного основания (Leuze 1935, 197–198, 295–297, 302–307). Во-вторых, крайне сложно представить, чтобы македонские сатрапы (да еще и такого высокого ранга, как бывшие соматофилаки Балакр и Менес) были поставлены Александром, пусть и номинально, в подчиненное положение к персу Мазею. Наконец, в-третьих, как уже ранее отмечалось, перечисление в *Агг. ап.* 4. 7. 2 «Бесса» и Асклепиодора через *тê* ... *καί* должно предполагать их равный статус, а не подчиненность одного другому (кстати, данное возражение может быть отнесено и на счет вышеприведенного мнения П. Бранта).

же возложенные на него поручения по переправе морем в Европу вначале денег для Антипатра, а затем возвращавшихся на родину греческих союзников, включая фессалийцев. Как представляется, данные упоминания показывают (и в этом я поддерживаю тех ученых, которые придерживаются сходного мнения⁹⁰), что функции Менеса должны были состоять в руководстве морскими коммуникациями, замыкавшимися на побережье Сирии, Финикии и Киликии. Необходимость в ту пору для Александра в таком особом должностном лице совершенно очевидна: именно это побережье из-за его близости к внутренним областям Азии, где тогда находился македонский царь, становилось теперь наиболее значимым для поддержания им связи с землями на западе, прежде всего с Балканами (важнее, чем сектор Геллеспонта, лежащий гораздо дальше от этих внутренних областей). Вместе с тем с подобными функциями Менеса вполне согласуется и информация Диодора и Курция о том, что он получил от Александра приказ осуществлять набор наемников⁹¹: помимо того, что ему самому, через своих агентов в Балканской Греции (основном источнике «солдат удачи»), пожалуй, ничего не мешало заниматься и этим делом, его главной заботой в данной связи могла стать доставка оттуда наемников по морю на вверенное ему побережье. При этом понятно, что определенные пункты на нем, прежде всего приморские города, были способны служить отличными накопителями для прибывающих воинских пополнений, которых затем было удобно отправлять к Александру отдельными отрядами (не исключено, что два контингента наемников, прибывших в Бактры зимой 329/8 г. «с морского побережья», были окончательно сформированы и начали свое движение по суше как раз из таких пунктов).

Нет сомнения, что при выполнении своих функций Менес был независим от сатрапов Сирии и Киликии, кем бы они тогда ни являлись: наряду с тем, что известные нам приказы Александра, отданные ему, ясно предполагают его ответственность непосредственно перед македонским царем, показательным в данном случае является и тот факт, что в распоряжении Менеса находилась эскадра триер. Более того, следует считать, что он как представитель центральной власти стоял над местными сатрапами и правительствами государств Финикии в тех вопросах, которые входили в сферу его компетенции. Триеры, которые Менес был в состоянии выставить, едва ли являлись частью постоянно действующего в этих водах флота Александра: сложившаяся к тому моменту ситуация на море этого уже явно не требовала. Скорее Менес имел право, когда было необходимо, мобилизовывать как боевые, так и транспортные корабли приморских общин, находившихся в зоне его ответственности, и использовать их в нужном количестве для решения конкретной задачи⁹². То же, что Арриан применяет для описания должности Менеса слово «гипарх», как кажется, не должно в свете вышесказанного нас сильно смущать: очень похоже, что ввиду в общем необычной деятельности Менеса, которая при этом предполагала осуществление им, агентом Александра, известной власти над побережьем Сирии, Финикии и Киликии, в ряде аспектов, по всей видимости, даже большей, чем власть региональных сатрапов и политической верхушки не

⁹⁰ Leuze 1935, 280–282; Tarn 1948, 174–175; Badian 1966, 57; 1999, 1238–1239; Hauben 1972, 64–65; 1976, 89–90; Atkinson 1994, 51–53; ср.: Hamilton 1974, 79.

⁹¹ См. выше, вместе с прим. 35 и 43.

⁹² Hauben 1972, 65; 1976, 90.

подчиненных им финикийских городов, Арриану (либо его источнику) просто не удалось подобрать в данном случае адекватного термина⁹³.

Теперь остановимся на следующем вопросе. Около столетия назад в историографии одной из господствующих точек зрения на положение Менеса была та, согласно которой его следует считать преемником Койрана из Берои, назначенного Александром весной 331 г. якобы для осуществления руководства всеми финансовыми делами отдельного округа, включавшего в себя Сирию, Финикию и Киликию. В наиболее полной форме данная точка зрения была выражена Г. Берве. По его мнению, после покорения Египта можно говорить о создании Александром особых должностных лиц, «финансовых директоров», которые являлись верховными управляющими финансами в отдельных крупных округах, охватывавших несколько сатрапий. Они были независимы от сатрапов своего округа и даже стояли выше их, причем не только в делах, связанных с финансами. Г. Берве называет Койрана «финансовым директором» Финикии, Сирии и Киликии и полагает, что с 330 г. его на этом посту сменил именно Менес⁹⁴. Подобная точка зрения, включая и соответствующий взгляд Г. Берве, была подвергнута сокрушительной (и, по нашему убеждению, полностью справедливой) критике О. Лейце. Он отмечает, что в наших источниках нет информации, которая бы указывала на причастность Менеса к ведению каких-либо финансовых дел во вверенном ему регионе, как нет ни слова и о том, что он был послан Александром сменить там Койрана. Более того, связь последнего с Сирией и Киликией также ничем не подтверждается. Арриан говорит лишь о том, что Александр оставил Койрана в Финикии собирать форо́с (Агг. ап. 3.6.4): совершенно очевидно, что чиновник, ответственный за сбор форо́са в Финикии, не равен «финансовому директору» Финикии, Сирии и Киликии, как его представляет Г. Берве. Таким образом, О. Лейце приходит к выводу, что теория о Койране как «финансовом директоре» Финикии, Сирии и Киликии и Менесе как его преемнике, не имеющая никакой опоры в нашей литературной традиции, является не более чем измышлением ученых⁹⁵.

Несмотря на этот совершенно оправданный вывод, весьма странно, что опровергнутая О. Лейце – казалось бы, раз и навсегда – теория и после этого время от времени находила и даже сейчас все еще иногда находит свое отражение либо полностью, либо частично в научных трудах (видимо, здесь определяющую роль играет авторитет Г. Берве, соответствующие суждения которого в таких случаях просто, без какой-либо критической оценки, повторяются)⁹⁶. Также трудно согласиться и с теми взглядами современных исследователей на положение Менеса, ко-

⁹³ Согласно О. Лейце, в тексте источника Арриана предположительно говорилось, что Александр послал Менеса из Суз в качестве «гипарха побережья Сирии, Финикии и Киликии», но Арриан выпустил τῆς παραλίας, в результате чего у него и возник такой неясный титул (Leuze 1935, 281). Не исключено, что это было так (ср.: Тагн 1948, 176, п. 3). При всем том, однако, нет нужды считать предполагаемый О. Лейце для Менеса титул («гипарх побережья Сирии, Финикии и Киликии») официальным (о чем, кстати, говорит и сам ученый). Скорее всего, Менес, заняв эту должность, вообще не имел какого-то конкетного формального титула.

⁹⁴ Berve 1926/I, 315; 1926/II, 219 (no. 441), 257 (no. 507). Аналогичную точку зрения см., в частности: Julien 1914, 62, п. 2; Lehmann-Haupt 1921, 157; Kahrstedt 1926, 11.

⁹⁵ Leuze 1935, 283–288. О положении Койрана в связи с финансовой деятельностью Филоксена в Малой Азии к тому же см.: Kholod 2017, 141–144.

⁹⁶ См., к примеру: Schachermeyr 1973, 284, 533; Lauffer 1981, 102; Hammond 1989, 163; Klinkott 2005, 91, п. 30, 96, п. 57, 329, п. 82. Ср.: Hamilton 1974, 79; Gärtner 1979, 1214, где среди прочих функ-

торые опять-таки основываются больше на домыслах, чем на имеющихся в нашем распоряжении свидетельствах источников. В данной связи обратим внимание на мнение В. Хэкела, который пишет: «Более вероятно, что Александр использовал Менеса временно в качестве управляющего этим районом, что действующие сатрапы и финансовые чиновники были ответственны перед ним. Принимая во внимание политическую ситуацию в Европе и необходимость двигаться на восток против Дария, Александр нашел необходимым вверить прибрежный регион одному человеку»⁹⁷. Эта точка зрения, превращающая Менеса в должностное лицо, наделенное временно верховной властью в Финикии, Сирии и Киликии, не представляется убедительной: ничего, что бы подтверждало его столь обширные полномочия (кроме термина «гипарх» у Арриана, значение которого в данном случае, как было показано выше, довольно, впрочем, неопределенно), в наших источниках нет. Также нет в наших источниках и намека на причастность Менеса к управлению здесь финансами⁹⁸. Добавим к этому еще и возражение общего характера. Помимо того, что назначение Менеса на такой пост, как его видит В. Хэkel, выглядит подозрительным уже вследствие своей уникальности (во всяком случае, аналог ему для времени Александра обнаружить не удастся), не совсем понятно, зачем македонскому царю нужно было непременно сосредоточивать столь большую власть, пусть и на некоторый срок, в руках одного человека, когда вопросы, стоявшие в ту пору на повестке дня в регионе, в том числе из-за положения дел в Греции и необходимости продвижения армии Александра дальше на восток, можно было бы вполне решить и без этого – отчасти с помощью действующей администрации региона, которая едва ли была столь неэффективной, а отчасти с помощью специального эмиссара, способного заняться там выполнением конкретных задач, требующих особого внимания (каким, на наш взгляд, и был Менес).

Как долго Менес находился в регионе, куда был направлен зимой 331/0 г., т.е. в районе побережья Сирии, Финикии и Киликии, сказать трудно. Не исключено, что он действовал там, выполняя возложенные на него функции, вплоть до конца правления Александра. Но вполне возможно и то, что он покинул данный регион уже спустя некоторое время.

Именно так заставляет полагать часто поддерживаемое исследователями исправление вышепротитированной фразы из сочинения Арриана, в которой говосий Менеса допускается и руководство им финансами в Сирии, Финикии и Киликии, что является не чем иным, как частичным отражением описанной выше теории Г. Берве.

⁹⁷ Heckel 1992, 242. Сходно: 2006, 164.

⁹⁸ То, что Менес получил от Александра 3 тыс. талантов, часть которых должен был отправить Антипатру, а часть потратить на вербовку наемников, никакого отношения к управлению финансами Финикии, Сирии и Киликии (см. выше), конечно, не имеет. Что же касается монет Александра, содержащих в своих легендах букву М, то у предположения В. Хэкела, согласно которому они могут относиться ко времени координации Менесом дел в данном регионе (Heckel 1992, 242; 2006, 164; ср.: Verwe 1926/II, 257, no. 507), нет сколько-нибудь надежного основания. Действительно, наряду с отсутствием у нас сведений о причастности Менеса к решению здесь финансовых вопросов, включая и вопрос о чеканке монет, очевидно, что буква М, встречающаяся в легендах некоторых из них, могла также являться инициалом не только какого-то иного должностного лица, которое было ответственно за работу монетного двора (причем отнюдь не обязательно представителя македонской администрации), но и обозначать город, где этот монетный двор находился. Кстати, заметим, что позиция по данному поводу Э. Бабелона, на которого при этом ссылается В. Хэkel, достаточно осторожна (Babelon 1893, LI). Относительно букв (и других знаков) в легендах монет Александра см.: Price 1991/I, 34–36.

рится о прибытии к Александру в Бактры с пополнениями «Бесса, сатрапа Сирии, и Асклепиодора, гипарха». Согласно данному исправлению, впервые предложенному Ф. Шмидером⁹⁹, эта фраза должна иметь следующий вид: «... Асклепиодор, сатрап Сирии, и Менес, гипарх...» (... Ἀσκληπιόδωρος τε ὁ Συρίας σατράπης καὶ Μένης ὁ ὑπαρχος...). Б. Босуорт, однако, выразил сомнение в его правильности, отметив, что оно включает в себя «не только ошибку в именах, но и перенос, для которого нет ни логического, ни палеографического основания». К тому же он указал и на то, что в таком случае Менес занимал бы свою должность очень короткое время, а значит, не успел бы набрать приведенных в Бактры зимой 329/8 г. наемников¹⁰⁰. Последнее возражение Б. Босуорта, впрочем, нельзя назвать весомым: как уже говорилось, период приблизительно в полтора года был, надо думать, вполне достаточным для того, чтобы сформировать этот в общем не слишком большой контингент (см. выше). Что же касается известной сложности исправления Ф. Шмидера, на которую обратил внимание Б. Босуорт, то она и правда несколько настораживает. С другой стороны, очевидно, что подобное исправление имеет и свой значительный плюс, ибо четко соответствует тому, как Асклепиодор и Менес были названы Аррианом ранее (первый – сатрапом, второй – гипархом). При этом не видится ничего невероятного в том, что поздний переписчик, поставив в этом фрагменте вместо имени «Асклепиодор» имя «Бесс» (см. выше), мог перенести первое ниже, на место имени «Менес», а его, поскольку оно оказалось в результате лишним, просто выпустить. Таким образом, имея в виду, что, за исключением некоторой сложности предложенного Ф. Шмидером исправления, других причин для сомнений в нем нет, его, думается, можно вполне признать допустимым (по крайней мере, не меньше, чем эмендацию, сделанную в данной связи Б. Босуортом; см. выше). В таком случае, исходя из этого исправления, получается, что Менес прибыл обратно к Александру уже зимой 329/8 г., а следовательно, его назначение носило временный характер. И если это верно, то логично предположить, что, помимо осуществления конкретных поручений Александра, главная задача, поставленная перед Менесом зимой 331/0 г., заключалась в организации и налаживании им механизма эффективного функционирования морских коммуникаций, сходящихся на вверенном ему побережье Сирии, Финикии и Киликии, выполнив которую Менес и смог вернуться.

Впрочем, сколько бы Менес ни занимал этот свой пост, ясно, что активного участия в последующих событиях правления Александра, а равно и эпохи диадочов он, судя по молчанию источников на его счет, не принимал. Более того, очень может быть, что Менес вскоре умер; во всяком случае, его смерть лучше всего объяснила бы тот странный факт, что этот высокопоставленный и, насколько можно думать, довольно влиятельный человек неожиданно полностью выпал из поля зрения античных авторов и в особенности Арриана.

Итак, подведем итоги. На наш взгляд, в результате завоевания Александром Сирии, которая прежде, при персах, являлась единой в административном отношении, на ее территории были образованы две сатрапии – одна на севере и другая

⁹⁹ В изданном им «Анабасисе» Арриана (1798 г.). Отметим, что затем эта эмендация была включена К. Абихтом уже в сам текст в его издании данного сочинения (1876 г.). Ее полную поддержку позднее см., к примеру, у У. Тарна (Tarn 1948, 179).

¹⁰⁰ Bosworth 1974, 61–62; ср.: 1995, 41. Также ср.: Leuze 1935, 291.

на юге. Подобное деление было обусловлено особенностью хода покорения этого региона: если его северная часть оказалась полностью под македонской властью вскоре после битвы при Иссе, то завоевание его остальных земель затянулось на месяцы. К тому же очевидно, что создание в Сирии двух сатрапий позволяло Александру лучше контролировать ее обширную территорию, а это было весьма важно при сложившейся на тот момент неспокойной военной ситуации поблизости. Что же касается сатрапов, которым Александр вверил управление двумя провинциями Сирии, то, как представляется, первым главой ее северной сатрапии был назначен Менон, сын Кердиммы (зима 333/2 г.), которого затем сменил Аримма (начало весны 331 г.), а его, в свою очередь, Асклеподор, сына Эвника (конец лета 331 г.); первым же главой южной сатрапии, надо думать, стал Андромах (незадолго до зимы 332/1 г.), место которого после его гибели занял переведенный с севера Менон (начало весны 331 г.). Еще при жизни Александра, вероятно, в 329/8 г., Сирия была вновь объединена в одну провинцию: поскольку к этому времени весь сирийский регион был окончательно замирен, а извне не осталось ничего, что бы могло ему угрожать, особых причин для сохранения его разделенным на две сатрапии больше не имелось. Кто тогда возглавил объединенную Сирию, неясно (возможно, Менон, если, конечно, он еще находился в данном регионе). Во всяком случае, это не мог быть Менес, сын Дионисия: точка зрения, что он был назначен Александром зимой 331/0 г. на пост сатрапа якобы образованной в ту пору большой провинции, в которую вошли Сирия и Киликия, не выдерживает критики. Также не кажется убедительной и та точка зрения, согласно которой Александр наделил Менеса временной верховной властью в Сирии, Финикии и Киликии, поставив его, таким образом, над здешними македонскими сатрапами и финансовыми чиновниками. По нашему мнению, основная задача, которую Александр определил тогда для Менеса, заключалась в организации и последующем руководстве им морскими коммуникациями, замыкавшимися на побережье Сирии, Финикии и Киликии, и в том, что касалось данной сферы его деятельности, он был полностью независим от местных сатрапов. При этом не исключено, что подобное назначение Менеса носило временный характер.

В 323 г. в Вавилоне, во время раздела после смерти Александра сатрапий его державы, Сирия досталась, как уже указывалось выше, в управление Лаомедону, сыну Лариха. С этого момента в ее истории открывается очередная страница, изучение которой, включая вопросы управления сирийским регионом в этот новый период, лежит, однако, уже вне рамок настоящей статьи.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Дандамаев, М.А. 2010: *Вавилония в 626–330 годы до н.э. Социальная структура и этнические отношения*. СПб.
- Dandamayev, M. A. 2010: *Vaviloniya v 626–330 gody do n.e. Sotsialnaya sruktura i etnicheskie odnoscheniya* [*Babylonia in 626–330 BC. Social Structure and Ethnic Relations*]. Saint Petersburg.
- Маринович, Л.П. 1993: *Греки и Александр Македонский (к проблеме кризиса полиса)*. М.
- Marinovich, L. P. 1993: *Greki i Aleksandr Makedonskiy (k probleme krizisa polisa)* [*The Greeks and Alexander of Macedon (on the crisis of the polis)*]. Moscow.

- Anson, E.M. 1988: Antigonus, the Satrap of Phrygia. *Historia* 37, 471–477.
- Anson, E.M. 2013: *Alexander the Great. Themes and Issues*. London.
- Atkinson, J.E. 1980: *A Commentary on Q. Curtius Rufus' Historiae Alexandri Magni*. Books 3 and 4. Amsterdam.
- Atkinson, J.E. 1994: *A Commentary on Q. Curtius Rufus' Historiae Alexandri Magni*. Books 5 to 7,2. Amsterdam.
- Atkinson, J.E. 2009: *Curtius Rufus. Histories of Alexander the Great. Book 10. Translated by J. C. Yardley, Introduction and Historical Commentary by J. E. Atkinson*. Oxford.
- Aulock, H. von 1964: Die Prägung des Balakros in Kilikien. *JNG* 14, 79–82.
- Babelon, E. 1893: *Les Perses achéménides. Les satrapes et les dynastes tributaires de leur empire. Chypre & Phénicie*. Paris.
- Badian, E. 1965: The Administration of the Empire. *G&R* 12, 166–182.
- Badian, E. 1966: Alexander the Great and the Greeks of Asia. In: E. Badian (ed.), *Ancient Society and Institutions. Studies Presented to Victor Ehrenberg on His 75th Birthday*. Oxford, 37–69.
- Badian 1994: E. Badian, Agis III: Revisions and Reflections. In: I. Worthington (ed.), *Ventures into Greek History*. Oxford, 258–292.
- Badian, E. 1999: Menes [2]. In: *DNP*. Bd. VII, 1238–1239.
- Baumbach, A. 1911: *Kleinasien unter Alexander dem Großen* [Diss.]. Weida i. Th.
- Beloch, K.J. 1923: *Griechische Geschichte*. Bd. III. 2. ²Berlin–Leipzig.
- Berve, H. 1926: *Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage*. Bd. I–II. München.
- Bickerman, E.J. 1988: *The Jews in the Greek Age*. Cambridge–MA–London.
- Billows, R.A. 1997: Antigonos the One-Eyed and the Creation of the Hellenistic State. Berkeley–Los Angeles–Oxford.
- Blackwell, C.W. 1999: *In the Absence of Alexander. Harpalus and the Failure of Macedonian Authority*. New York–Washington–Boston.
- Bosworth, A.B. 1974: The Government of Syria under Alexander the Great. *CQ* 24, 46–64.
- Bosworth, A.B. 1980: *A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander*. Vol. I. Oxford.
- Bosworth, A.B. 1983: The Indian Satrapies under Alexander the Great. *Antichthon* 17, 37–46.
- Bosworth, A.B. 1988: *Conquest and Empire. The Reign of Alexander the Great*. Cambridge.
- Bosworth, A.B. 1995: *A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander*. Vol. II. Oxford.
- Briant, P. 1973: *Antigone le Borgne. Les débuts de sa carrière et les problèmes de l'assemblée macédonienne*. Paris.
- Brunt, P.A. 1976: *Arrian. Anabasis of Alexander. Books I–IV. Translated by P. A. Brunt*. Vol. I. Cambridge–MA.
- Burn, A.R. 1952: Notes on Alexander's Campaigns, 332–330. *JHS* 72, 81–91.
- Cross, F.M. 1974: The Papyri and Their Historical Implications. In: P.W. Lapp, N.L. Lapp (eds.), *Discoveries in the Wâdi ed-Dâliyeh*. Cambridge–MA.
- Dandamayev, M.A. 1996: Eber-nâri. In: *Encyclopaedia Iranica*, <https://iranicaonline.org/articles/eber-nari>.
- Debord, P. 1999: *L'Asie Mineure au IVe siècle (412–323 A.C.). Pouvoirs et jeux politiques*. Bordeaux.
- Droysen, J.G. 1877: *Geschichte des Hellenismus*. Bd. I. Gotha.
- Gärtner, H. 1979: Menes [2]. In: *DKP*. Bd. III, 1214.
- Hamilton, J.R. 1974: *Alexander the Great*. Pittsburgh.
- Hammond, N.G.L. 1989: *Alexander the Great. King, Commander and Statesman*. ³Bristol.
- Hauben, H. 1972: The Command Structure in Alexander's Mediterranean Fleets. *AncSoc* 3, 55–65.

- Hauben, H. 1976: The Expansion of Macedonian Sea-Power under Alexander the Great. *AncSoc* 7, 79–105.
- Heckel, W. 1992: *The Marshals of Alexander's Empire*. London–New York.
- Heckel, W. 1997: *Justin. Epitome of the Philippic History of Pompeius Trogus. Books 11–12: Alexander the Great. Translation and Appendices by J. C. Yardley, Commentary by W. Heckel*. Oxford.
- Heckel, W. 2006: *Who's Who in the Age of Alexander the Great. Prosopography of Alexander's Empire*. Oxford.
- Heckel, W. 2020: *In the Path of Conquest. Resistance to Alexander the Great*. Oxford.
- Higgins, W.E. 1980: Aspects of Alexander's Imperial Administration: Some Modern Methods and Views Reviewed. *Athenaeum* 58, 129–152.
- Hoffmann, O. 1906: *Die Makedonen, ihre Sprache und ihr Volkstum*. Göttingen.
- Jacobs, B. 1994: *Die Satrapienverwaltung im Perserreich zur Zeit Darius' III*. Wiesbaden.
- Jacobs, B. 2006: Achaemenid Satrapies. In: *Encyclopaedia Iranica*, <https://iranicaonline.org/articles/achaemenid-satrapies>.
- Jaschinski, S. 1981: *Alexander und Griechenland unter dem Eindruck der Flucht des Harpalos*. Bonn.
- Julien, P. 1914: *Zur Verwaltung der Satrapien unter Alexander dem Großen* [Diss.]. Weida i. Th.
- Justi, F. 1895: *Iranisches Namenbuch*. Marburg.
- Kahrstedt, U. 1926: *Syrische Territorien in hellenistischer Zeit*. Berlin.
- Kholod, M. M. 2017: The Financial Administration of Asia Minor under Alexander the Great: An Interpretation of Two Passages from Arrian's Anabasis. In: T. Howe, S. Müller, R. Stoneman (eds.), *Ancient Historiography on War and Empire*. Oxford, 136–148.
- Klinkott, H. 2000: *Die Satrapienregister der Alexander- und Diadochenzeit*. Stuttgart.
- Klinkott, H. 2005: *Der Satrap. Ein achaimenidischer Amtsträger und seine Handlungsspielräume*. Frankfurt am Main.
- Körte, A. 1919: Glykera und Menander. *Hermes* 54, 87–93.
- Kosmetatou, E. 1997: Pisidia and the Hellenistic Kings from 323 to 133 BC. *AncSoc* 28, 5–37.
- Lane Fox, R. 1973: *Alexander the Great*. London.
- Lauffer, S. 1981: *Alexander der Große*. ²München.
- Le Rider, G. 2007: *Alexander the Great: Coinage, Finances, and Policy*. Philadelphia.
- Lehmann-Haupt, C. F. 1921: Satrap. In: *RE*. 2. Reihe. Bd. II, 82–188.
- Leuze, O. 1935: *Die Satrapieinteilung in Syrien und im Zweistromlande von 520–320*. Halle.
- Mørkholm, O. 1991: *Early Hellenistic Coinage from the Accession of Alexander to the Peace of Apamea (336–186 B.C.)*. Cambridge.
- Nawotka, K. 2010: *Alexander the Great*. Cambridge.
- Price, M.J. 1991: *The Coinage in the Name of Alexander the Great and Philip Arrhidaeus*. Vol. I. Zürich – London.
- Pummer, R. 2009: *The Samaritans in Flavius Josephus*. Tübingen.
- Schachermeyr, F. 1973: *Alexander der Grosse: das Problem seiner Persönlichkeit und seines Wirkens*. Wien.
- Schäfer, P. 2003: *The History of the Jews in the Greco-Roman World*. London–New York.
- Shackleton Bailey, D. R. 1981: Curtiana. *CQ* 31, 175–180.
- Stern, M. 1976: *Greek and Latin Authors on Jews and Judaism. Edited with Introductions, Translations and Commentary by M. Stern*. Vol. I. Jerusalem.
- Tarn, W.W. 1948: *Alexander the Great*. Vol. II. Cambridge.
- Tataki, A.B. 1998: *Macedonians Abroad. A Contribution to the Prosopography of Ancient Macedonia*. Athens.
- Tcherikover, V. 1959: *Hellenistic Civilization and the Jews*. Philadelphia – Jerusalem.

Wheatley, P., Heckel, W. 2011: *Justin. Epitome of the Philippic History of Pompeius Trogus. Volume II. Books 13–15: The Successors to Alexander the Great. Translation and Appendices by J. C. Yardley, Commentary by P. Wheatley, W. Heckel.* Oxford.

SYRIA UNDER ALEXANDER THE GREAT:
THE PROBLEMS OF ADMINISTRATION

Maksim M. Kholod

Petersburg State University, Saint Peterburg, Russia
mmkholod@yandex.ru; m.holod@spbu.ru

Abstract. The article considers the main issues connected with the satrapal administration of the Syrian region under Alexander the Great. The author is of the opinion that as a result of the Macedonian king's conquest of Syria, which had been a single administrative entity under the Achaemenids, it was divided into two satrapies – in the north and in the south. However already in Alexander's lifetime, probably in 329/8, Syria was once again merged into one satrapy. It is unclear who was appointed then as its satrap. At any rate, it could not have been Menes son of Dionysius: the hypothesis that in winter 331/0 he was appointed as satrap of the new province including Syria and Cilicia does not stand scrutiny. Also, the view that Alexander temporarily granted Menes the supreme authority over Syria, Cilicia and Phoenicia, placing him above the local satraps and financial officials, does not appear convincing. The author argues that the main task Alexander assigned to Menes was to take control and then to keep open and organized the sea communications with the coast of Syria, Phoenicia and Cilicia, and in the matters concerning these activities Menes was fully independent of the local satraps.

Keywords: Alexander the Great, Syria, satrapy, satrap, administration
